

Колдовские

Миры

ДОЧЬ ТРОЛЛЯ

Книга четвертая

СБЕЖАВШИЙ ЖЕНИХ

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

Дочь тролля

Елена Малиновская

Сбежавший жених

«ЭКСМО»

2015

Малиновская Е. М.

Сбежавший жених / Е. М. Малиновская — «Эксмо»,
2015 — (Дочь тролля)

А ведь так все хорошо начиналось! Да, я рассталась с одним женихом, но тут же обрела нового. И казалось, дело движется к неминуемой свадьбе, как неожиданно мой избранник просто-напросто исчез. Волей-неволей заподозришь, будто с тобой что-то не так, раз женихи разбегаются, словно тараканы от яркого света. Но я не собираюсь мириться с таким безобразием! И пусть этот наглец не думает, что сумеет спрятаться от меня. Все равно отыщу и заставлю жениться!

© Малиновская Е. М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Малиновская

Сбежавший жених

© Малиновская Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть первая

Опять в дорогу

За окнами шел ливень. Он начался еще утром и, похоже, не собирался прекращаться и к вечеру. На лужах разбегались пузыри, что, согласно старой народной примете, предсказывало долгое ненастье.

Да, стоило признать, что начало сентября в этом году выдалось по-настоящему осенним: с промозглыми порывами холодного ветра, от которых то и дело жалобно звенели стекла, долгими затяжными дождями и плотной стеной низких туч, через которые не пробивалось и лучика. Да что там, мне все чаще казалось, что жаркое солнечное лето было целую вечность назад. Впрочем, было ли оно, или просто привиделось в одну из бесконечных ночей, когда шум дождя ядовитой змеей вползает в твои сны, наполняя их тоскою и болью по утраченному теплу.

Я плотно задернула гардину, поскольку вид залитых бесконечными потоками воды стекол и серой хмари за окнами уже начинал действовать мне на нервы. Прищелкнула пальцами, заставив тем самым магический шар, плавающий под потолком, разгореться ярче. Я понимала, что это глупо: в комнате и без того было тепло и светло. Но ничего не могла с собой поделать. С наступлением ненастья я вдруг обнаружила, что после обретения тени стала весьма теплолюбивым созданием. От малейшего сквозняка у меня начинало нестерпимо ломить кости, а руки и ноги превращались в настоящие ледышки. Я даже вытребовала у Седрика жаровню для своей спальни, поскольку этот нехороший человек и по совместительству вроде как мой новый работодатель пока не считал нужным топить камины. И мое счастье, что господин королевский дознаватель по особо важным делам не видел, в какой непозволительной близости от моей постели стояла эта самая жаровня, иначе наверняка прочитал бы мне долгую и нудную лекцию про опасность пожара. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что каждый вечер я борюсь с невероятным искушением затащить жаровню в кровать и спать с ней в обнимку?

И еще больше меня злило то, что сам Седрик из Черной Грязи не испытывал никаких отрицательных эмоций по поводу плохой погоды. Напротив, он словно оживился с наступлением дождей. Теперь его теплый поношенный сюртук, с которым он практически никогда не расставался, ни у кого не вызывал вопросов. Фрей тоже особо не горевал из-за так рано и неожиданно нагрянувшей осени, поскольку дурная погода давала ему должное оправдание для бокальчика-другого горячего вина, неизменно подаваемого к ужину. А Морган... Эх, Морган... Знать бы, чем он сейчас занят.

Я недовольно тряхнула головой, пытаясь таким образом отвлечься от грустных мыслей, и вернулась к письменному столу, заваленному бумагами. Уселась на самый краешек очень неудобного и очень твердого стула и принялась рассеянно перебирать листы, исписанные с обеих сторон мелким убористым почерком. Седрик наконец-то вспомнил, что нанял меня в качестве своей личной помощницы, и сегодня сразу после завтрака озадачил первым заданием. Я должна была прочитать доклад младшего дознавателя, отправившегося проверить слухи о том, будто в одной из деревень творится нечто странное, вычленив из него главное и пересказать моему работодателю самую суть.

Дело осложнялось тем, что этот самый дознаватель явно страдал чрезмерной многословностью. Рассказ о поездке, занявшей всего день, занимал огромную кипу бумаг. Одно описание утра, за которое вообще-то ничего не произошло, тянуло на целую книгу. Наверное, именно поэтому сам Седрик и не стал утруждать себя чтением. Полагаю, страсть к пустому сочинительству неизвестного мне младшего дознавателя ни для кого из его коллег не являлась тайной.

Я взяла новый листок и, нахмурившись, быстро пробежала его взглядом. Одно радует: почерк у автора сего объемного творения разборчивый. Иначе моя задача превратилась бы в просто-таки невыполнимую.

Хотела я того или нет, но доклад мне надлежало тщательно изучить до обеда. Не сомневаюсь, что господин королевский дознаватель не упустит шанса устроить мне своего рода экзамен, желая проверить, насколько серьезно я отнеслась к первому настоящему поручению. Но от описания меню постоянного двора, где остановился младший дознаватель, меня уже мучило. Полагаю, это чрезвычайно редкий дар: целых пять страниц рассказывать о том, насколько отвратительного вкуса была подгоревшая яичница, поданная несчастному служителю закона на завтрак.

В этот момент моя совесть в очередной раз воззвала к моему чувству ответственности, напомнив о том, что я по сути даже не начала выполнять задание. Я уныло вздохнула и попыталась сосредоточиться на докладе. Но строчки расплывались перед глазами, навевая неужимую зевоту. Я клюнула носом раз, другой, затем подперла ставшую вдруг такой тяжелой голову кулаком и опять надолго забыла о злключениях молодого дознавателя, сосредоточившись на своих проблемах. А их у меня хватало.

Бессонница. Раньше я и не знала, что это за зверь такой. Всегда, сколько я себя помню, у меня не было ни малейших проблем со сном. Точнее, были, но, скорее, из-за моей любви понежиться в объятиях дремы. Стоило только моей голове коснуться подушки – как я немедленно отплывала в страну грез. Увы, теперь все изменилось. Я часами лежала на спине, тараща глаза в плескавшуюся вокруг тьму, и тщетно пыталась забыться хотя бы на несколько минут. Однако все впустую. Даже шепот мрака, который после обретения тени я была обречена постоянно слышать, не мог успокоить меня. Но ночное бодрствование требовало слишком дорогую цену. По утрам я отчаянно зевала и терла слипающиеся глаза, теряла нить разговора и чувствовала себя настолько препогано, будто всю ночь не возлежала на кровати, застеленной мягчайшей периной, а вкалывала на поле, подобно самой бедной крестьянке, которую муж за неимением лошади запрягает в соху.

Морган.

Забывшись, я вывела это имя на полях очередной страницы доклада слишком словоохотливого дознавателя. Спohватившись, зло выругалась себе под нос и попыталась замаскировать свою оплошность кляксой, потянулась за чернильницей, но неловким движением опрокинула ее.

Теперь я выругалась во весь голос. Вскочила на ноги и принялась торопливо спасать доклад от угрозы быть залитым чернилами. Правда, при этом перемазалась сама с головы до ног и безнадежно испачкала любимое платье. Ну как сказать – любимое. Просто на сей момент это был мой единственный наряд, купленный на аванс, любезно выданный Седриком в честь первого месяца работы. Остальные деньги я потратила на всякую ерунду, в основном – на сладости, ошеломленная столичным выбором.

Впрочем, я отвлеклась. Так или иначе, но несколько листов оказались безвозвратно загубленными. Я неполную минуту грустно смотрела на них, силясь разобрать хотя бы слово, затем легкомысленно махнула рукой. А, ладно! Надеюсь, что пострадало очередное долгое, нудное и совершенно бесполезное описание приема пищи. Например, жалобы дознавателя на невкусный обед.

Именно в этот момент в дверь моей комнаты осторожно поскреблись.

Я вздрогнула от неожиданности. Неужели магическое могущество Седрика распространяется до таких пределов, что он способен видеть все, происходящее в комнатах его дома? И сейчас я наверняка получу суровую выволочку за возмутительную небрежность при работе с важными документами. Но почти сразу из коридора послышался знакомый голос Фрея.

– Мика, это я, – почему-то зашептал он и опять заскребся, невольно вызвав у меня ассоциации с кошкой, рвущейся с улицы в тепло дома.

– Входи! – разрешила я, обрадовавшись визиту друга.

В самом деле, хоть одна уважительная причина, чтобы ненадолго отложить уже порядком поднадоевшее чтение.

– Доброе утро, – поздоровался Фрей, проскользнув ко мне в комнату. Ошарашенно помотал головой, выдохнув: – Ну и духотища у тебя!

Я, в свою очередь, зябко потерла ладони, плотнее закуталась в пуховую шаль и кинула озабоченный взгляд на жаровню, проверяя, не погасла ли она. Затем склонила голову и кивнула приятелю:

– Привет!

– Решил проверить, почему к завтраку не вышла, – пояснил цель своего визита Фрей, утирая выступившую на лбу испарину. – Не заболела?

Вместо ответа я неопределенно пожала плечами. В самом деле, не признаваться ведь другу в том, что одна мысль о еде вызывает у меня тошноту. Слишком сильно я волнуюсь за Моргана.

– Ой, а что это у тебя с лицом? – наивно удивился Фрей, только сейчас, должно быть, заметив, насколько чумазое у меня лицо. – И платье все в пятнах. Ты что, чернила пила?

– Да, – мрачно проговорила я. – Став арахнией, я вдруг обнаружила, как сильно изменились мои пристрастия в еде. Нет ничего вкуснее, как выпить с утра чашечку свежих чернил и закусить гусиным пером!

Фрей смешно округлил рот и выпучил глаза, уставившись на меня с таким наивным ужасом, что невольно мне стало стыдно. Эх, когда я уже привыкну, что Фрей частенько принимает все на веру!

– Я шучу, – поспешила я его успокоить. – Просто чернильницу случайно опрокинула.

– Фух! – с явным облегчением выдохнул тот. Укоризненно покачал головой. – Мика, нельзя же так серьезно говорить! Я и впрямь поверил, что ты, когда никто не видит, распитием чернил пробавляешься.

– Зачем ты пришел? – еще суше спросила я. Понимаю, что прозвучало невежливо, но у меня не было сейчас ни малейшего настроения к ведению дружеской беседы.

Судя по всему, Фрей обиделся на столь холодный прием. Он насупился, мгновенно став похожим на медведя, грустно опустил плечи и нехотя сказал:

– Да так, просто навестить хотел. Волновался, в порядке ли ты. Как-никак от Моргана почти месяц известий нет. Даже Ульрика забеспокоилась.

Я встала, с грохотом отодвинув стул, и отошла к окну. Одернула гардину, уставившись на дождь, бушующий снаружи. Морган. Да, вот единственная причина моего дурного настроения, бессонницы и неспособности сосредоточиться на чем-либо. Сейчас все мои мысли заняты только им. И я не знаю, чего больше в моих раздумьях: злости на него за то, что тогда он так невежливо выставил меня прочь, едва только Дани представился его братом, или же беспокойства за стихийника. Кто знает, чем могла закончиться та встреча. В конце концов, Дани вполне мог солгать ему. Не стоит забывать о том, что именно Дани убил его поверенного, сьера Густаво. То бишь приличным человеком он точно не является.

«Если уж на то пошло, то он вообще не человек», – поправил меня внутренний голос.

Так или иначе, но в ту проклятую ночь я преодолела расстояние, разделяющее дом Моргана и жилище королевского дознавателя, стремительным бегом. Мучимая тревогой и страхом за жизнь Моргана, я заставила Седрика немедленно собраться и отправиться со мной обратно. Того, к слову, долго упрашивать не пришлось. Едва он услышал, какой гость почтил Моргана поздним визитом, то немедленно кинулся обратно, да так, что я едва поспевала за ним.

По моим прикидкам, вся эта беготня заняла не больше десяти минут. Однако по возвращении мы застали дом Моргана опустевшим. Радовало, что не было следов борьбы. Думаю, если бы Дани напал на него, то Морган постарался бы продать свою жизнь как можно дороже. Но почему стихийник не оставил хотя бы записки? Он ведь прекрасно понимал, как сильно я буду волноваться!

Первые несколько дней после неожиданного исчезновения Моргана я вздрагивала от каждого стука и от каждого шороха. Думала, что вот-вот он объявится с удивительной историей, объясняющей его исчезновение. Но все было зря. Дни складывались в недели, миновал почти месяц, наполненный непрекращающейся тревогой. И за все это время я не получила ни весточки от Моргана. Расследование Седрика тоже не приносило никаких плодов. Никто в столице не видел найна Моргана Атлена, никто даже не слышал о его возвращении. Он словно сквозь землю провалился.

Увы, его столь странное исчезновение означало для нас одну очень серьезную проблему. Ульрика неожиданно оказалась без крыши над головой, поскольку наотрез отказалась жить в опустевшем доме, где к тому же совсем недавно произошло убийство. Фея устроила такую слезную истерику, так рыдала, припав к груди ошеломленного таким развитием событий Седрика, что сердце некроманта дрогнуло, и он нехотя разрешил перебраться ей к себе. Хотя я усердно строила ему при этом страшные рожи, безмолвно умоляя не совершать такую огромную глупость!

Надлежало признать, первые два или три дня Ульрика действительно вела себя прилично. Да что там, первое время она вообще почти не показывалась на глаза, опасаясь, что в любой момент ее отправят восвояси. Но затем осмелела и как-то незаметно вернулась к прежнему демонстративно-развязному поведению. Правда, при этом всю мощь сомнительного остроумия она сосредоточила на мне и Фрее, справедливо предполагая, что после первой же попытки подшутить над Седриком моментально окажется на улице. Господин королевский дознаватель по особо важным делам не выглядел как человек, благосклонно относящийся к намекам по поводу своего происхождения или же внешности.

Наверное, Ульрика тоже переживала из-за Моргана. Беда была в том, что волнение она выражала тем, что доводила меня до белого каления своими жуткими догадками по поводу его предполагаемой судьбы. Так, к примеру, однажды всего за один вечер я узнала не менее сотни способов убийств. Все мои попытки перевести разговор на более приятную тему завершились ничем. Даже Фрей ничем не мог мне помочь. Он сидел, онемев от ужаса и неприлично раззявив рот, и то бледнел, то краснел, видимо, пораженный неистощимой фантазией феи.

Закончилась эта своеобразная пытка лишь с приходом Седрика. Некроманту хватило одного взгляда, чтобы правильно оценить ситуацию. После чего он нехорошо ухмыльнулся и словно невзначай обронил, что такая потрясающая осведомленность феи в подобного рода делах вызывает у него, как у королевского дознавателя, массу вопросов. И однажды он вполне может захотеть получить на них ответы.

Столь прозрачного намека на предполагаемый допрос Ульрика не могла не понять, поэтому обиженно замолчала, а потом и вовсе предпочла воспользоваться чарами невидимости и скрыться от внимательного изучающего взгляда некроманта.

Стоит ли объяснять, что после той сцены я предпочитала как можно реже выходить из своей комнаты, лишь бы не встретиться в очередной раз с Ульрикой. Без того тошно. А плохая погода не добавляла оптимизма, напротив, погружала меня все глубже и глубже в пучины отчаяния.

– Переживаешь?

В следующее мгновение я вздрогнула, почувствовав на своем плече руку Фрея. Надо же, так углубилась в свои мысли, что даже не услышала, как он подошел. Если говорить откоро-

венно, то я вообще умудрилась забыть об его присутствии. Надеюсь, хоть вслух я не размышляла, перечисляя свои беды.

Я не хотела показывать приятелю свою слабость. Наверное, стоило скинуть его руку со своего плеча, развернуться и с усилием рассмеяться, а затем начать сыпать неловкими шутками, пытаясь доказать, что все в порядке. Но в голосе Фрея было столько неподдельного участия и сопереживания, что я предательски шмыгнула носом раз, другой, а потом и вовсе разревелась. Некрасиво так разревелась: в полный голос, с горестными завываниями и всхлипываниями.

В любовных романах, которые я частенько таскала из библиотеки матери, обычно утверждалось, что слезы красят женщину. Наверное, это какие-то особенные женщины, которые умеют по-особенному плакать. Порой я заворожено перечитывала описания того, как крупные прозрачные слезы медленно сползают по щекам несчастной обиженной, и ее мучитель в тот же миг осознает недопустимость подобного поведения и испытывает жестокие муки совести. Ну а потом, естественно, следовала страстная сцена примирения. Увы, я так плакать не умела. Я не видела себя в зеркале, но не сомневалась, что по моему лицу и шее сейчас расплзлись красные некрасивые пятна, нос опух и увеличился, наверное, раза в два, а глаза, напротив, превратились в узенькие щелочки. Красотка, да и только!

– Ну-ну, не надо! – ошеломленно пробормотал Фрей.

В ответ я провила нечто невразумительное, спрятав лицо за ладонями.

– Мика, я сейчас тоже заплачу! – хнычущим голосом предупредил меня приятель после очередной долгой паузы, наполненной моими сдавленными вздохами.

Я честно попыталась прекратить свой водопад слез, но вместо этого разрыдалась пуще прежнего. Фрей помолчал еще немного и в унисон мне принялся подшмыгивать носом.

– А вдруг он уже умер? – с трудом выдавила я из намертво перехваченного спазмом горла свой самый главный страх.

Фрея не потребовалось никаких уточнений, о ком я говорю. Вместо этого он развернул меня и прижал к своей необъятной груди с такой силой, что мои ребра жалобно затрещали. Уткнулся носом в мои волосы, и что-то подозрительно горячее закапало на мою макушку, доказывая, что приятель тоже не удержался и пустил слезу.

Понятия не имею, сколько мы так простояли, рыдая в объятиях друг друга. Лишь одно меня страшило: что эту сцену может застать Ульрика. Не сомневаюсь, что противная летающая вредность будет еще долго припоминать нам минутную слабость.

Стоило мне так подумать, как кто-то рядом громко кашлянул, предупреждая о своем присутствии.

Я мгновенно отпрянула от Фрея, одновременно кулаком утирая глаза. И увидела, что на пороге стоит донельзя удивленный Седрик.

– Дверь была приоткрыта, – пояснил он в ответ на мой разгневанный взгляд. – Я шел в свой кабинет, но остановился, услышав рыдания. Постучался раз, другой, но вы, по всей видимости, меня не услышали.

После чего выжидающе вскинул бровь, глядя попеременно то на меня, то на Фрея.

– Мы плакали, – простодушно признался приятель, прежде оглушительно высморкнувшись в носовой платок, по размерам напоминающий целую простынь, который он выудил откуда-то из глубин своих штанов.

Я зло цыкнула себе под нос от подобной откровенности. По всей видимости, Фрей не видел ничего дурного в таком проявлении чувств. А мне почему-то было стыдно. Показалось, что господин королевский дознаватель сейчас непременно рассмеется и выскажет нечто очень обидное по поводу слишком сопливых и нервных девиц и их не менее чувствительных приятелей.

Седрик в самом деле усмехнулся. Правда, почти сразу опустил голову, скрывая улыбку в тени. После чего негромко осведомился:

– Могу я узнать причину столь бурного проявления эмоций? Неужели вас, милая сьерра, так впечатлил доклад молодого дознавателя, который я передал вам для изучения?

Доклад! Проклятый доклад, который я так и не успела прочитать!

Слезы на моих глазах мгновенно высохли. Я мысленно выругалась и покраснела под испытующим взглядом Седрика. Вот ведь нехороший человек! Наверняка прекрасно понимает, что я не выполнила его задание, но желает услышать об этом из моих уст.

«Допрыгалась, – мрачно сказал внутренний голос. – Первое же пустяковое дело ты с треском провалила. Не удивлюсь, если после этого господин королевский дознаватель с позором выгонит тебя, прежде потребовав возмещения выданного тебе аванса».

– Так как? – напомнил свой вопрос Седрик, когда пауза чрезмерно затянулась. – Неужели вас действительно настолько расстроил доклад?

– О каком докладе вообще речь? – простодушно удивился Фрей и опять высморкался, после чего продолжил: – Мы плакали из-за Моргана. О нем так долго нет вестей, что...

Фрей жалобно скривился, не в силах высказать вслух страшного предположения о том, что Морган к настоящему моменту может быть мертв.

– Стало быть, мое поручение вы не выполнили, – на всякий случай уточнил у меня то, что и так было понятно, Седрик, и в его серо-зеленых глазах явственно отразилось неудовольствие.

Несколько секунд я всерьез размышляла над тем, не удариться ли мне вновь в плач. Странное дело, вроде бы некромант не кричал и тем более не угрожал мне всяческими неприятностями. Но от его демонстративно спокойного тона холодные мурашки промаршировали по моей спине: сначала в одну сторону, а потом и в другую. Интересно, что же он привязался так к этому злосчастному докладу? Как будто не видит, что у меня приключилось настоящее горе!

«Угу, горе, как же, – язвительно буркнул внутренний голос. – Рассказать кому – не повесят. Уже второй потенциальный жених исчезает в туманных далях, даже не простившись толком».

Я недовольно мотнула головой. Неправда! Я никогда не считала Моргана своим женихом. Да, не буду скрывать, что он мне симпатичен, даже очень. Однако донельзя неприятное и неожиданное окончание отношений с Арчером и наглядный пример арахнии по имени Миколика доказали мне, что к выбору спутника всей своей жизни надлежит относиться со всей возможной серьезностью и ответственностью.

– Я бы все-таки хотел услышать ответ на мой вопрос, – устав ждать, напомнил Седрик, и пламя затаенного раздражения с удвоенной силой вспыхнуло в его глазах.

– Слушай, ну не наседай ты так на нее, – моментально встал на мою защиту Фрей, смущенно комкая мокрый платок. – Как будто сам не понимаешь...

– Все в порядке! – поторопилась я урезонить его, заметив, что некромант морщится все сильнее и сильнее.

Как бы из-за моей оплошности не пострадал и приятель. Он-то точно не имеет никакого отношения к тому, что я провалила простейшее задание. После чего глубоко вздохнула, набравшись решимости, и честно заявила:

– Да, я не прочитала доклад. Точнее, начала, а потом задумалась... И чернильница опрокинулась... И вообще...

Я раздосадованно всплеснула руками, не в силах облечь в слова все те эмоции, которые обуревали меня в этот момент. Боялась ли я того, что королевский дознаватель не простит мне промаха и выгонит прочь, не желая терпеть в нахлебницах столь необязательную особу?

Да, конечно! Но юлить и выдумывать несуществующие оправдания я тоже не имела ни малейшего желания. Пусть будет так, как будет. Я заслужила наказание.

– Я рад, что вы имели смелость так открыто признать свою оплошность.

Седрик, несмотря на то, что мы были знакомы больше месяца, по-прежнему обращался ко мне исключительно вежливо, видимо, желая подчеркнуть тем самым нашу сугубо деловую связь и мое подчиненное по отношению к нему положение. Удивительно, но на Фрея это почему-то не распространялось, хотя он тоже получил место при доме дознавателя в качестве то ли повара, то ли помощника по перетаскиванию тяжестей, а скорее – всего этого, вместе взятого.

Не могу сказать, что столь разное отношение ко мне и Фрею обижало. Скорее, удивляло. Хотя в чем-то я могла понять Седрика. Все-таки не стоило забывать и нашу разницу в сословном происхождении, и то, что обществом не особо приветствовалась ситуация, когда молодая незамужняя девица проживает под одной крышей с молодым неженатым мужчиной, который к тому же вроде как является ее работодателем... Полагаю, если бы Седрик перестал обращаться ко мне со своей убийственно-ледяной вежливостью и принял бы дружеский тон, то вездесущие соседи мгновенно задались бы вопросом, что же на самом деле нас связывает.

– Простите, – прошептала я, стыдливо опустив голову и чувствуя, как начинают полыхать мои уши. – Я обязательно исправлюсь! Подобное больше не повторится. Вот прямо сейчас сяду – и все прочту, от первого листа и до последнего!

– А разве там осталось что-нибудь, пригодное для чтения? – сдержанно удивился Седрик. Подошел ближе к моему столу и брезгливо, одними кончиками пальцев, приподнял лист, сильнее прочих пострадавший от моей неаккуратности. Тот был настолько пропитан чернилами, что несколько тяжелых густых капель сорвалось и шлепнулось на столешницу.

Краска стыда медленно, но верно распространялась по моему лицу. Теперь предательским огнем запыхали мои многочисленные веснушки.

– Простите, – еще тише повторила я и носом почти уткнулась себе в грудь, опасаясь даже на миг встретиться взглядом с суровым некромантом.

В комнате повисла настолько полная тишина, что я слышала, как в окно бьется одуревшая от духоты муха, не подозревающая, что долгожданная свобода принесет ей смерть от холода. Даже Фрей притих, больше не делая попыток оправдать меня перед Седриком.

– Хорошо, что я досконально изучил этот доклад прежде, чем передавать его в ваши руки, – внезапно проговорил Седрик, и в его голосе послышалась веселая ирония.

От неожиданности я даже икнула. Посмела бросить на некроманта быстрый взгляд. Он действительно широко улыбался, видимо, получив своеобразное удовольствие от неприятной сцены, произошедшей только что.

В глубине души шевельнулся ядовитой змеей гнев. Да что этот Седрик из Черной Грязи о себе вообразил?! Отчитал меня, словно капризную неразумную девчонку!

Но почти сразу я неимоверным усилием воли заставила себя успокоиться, вспомнив, что некромант был в своем праве. Я на самом деле поступила скверно.

А еще мне никак не давала покоя лукавая усмешка, словно приклеившаяся к губам некроманта. Было такое чувство, будто его буквально распирает от какой-то новости, но он молчит, желая меня как можно дольше помучить.

Вдоволь насладившись очередной паузой, во время которой все мое внимание оказалось приковано к нему, Седрик вкрадчиво продолжил.

– И если бы вы, глубокоуважаемая сьерра, последовали моему совету и прочитали сие сочинение, то узнали бы, что в деревушке под названием Аталиен, что всего в десяти милях от северных ворот Ериона, не так давно произошло весьма необычное и примечательное событие, – медленно проговорил он, словно получая наслаждение от каждого своего слова. – Младший дознаватель по имени Рой в своем докладе упомянул, что хозяин постоянного двора, в кото-

ром он имел честь остановиться, жаловался ему на дебошира и смутьяна, пару дней назад затеявшего драку с мужем одной прехорошенькой служанки. Самое удивительное, что несчастный муж сразу после драки угодил к целителям, но не из-за травм, полученных в ходе обычных мужских разборок, а из-за парочки весьма серьезных ожогов. Бедолага утверждал, будто получил их от слюны своего противника. Мол, в запале выяснения отношений тот не удержался и плюнул в него. Благо на лицо не попал, но руки рогоносцу разъело знатно. А еще дознаватель Рой из Больших Выселок привел имя этого смутьяна – Дани. Кроме того, дал описание, полученное от хозяина постоянного двора и пострадавшего мужчины. Светловолосый синеглазый верзила с одной очень необычной особой приметой. Рассказать вам о ней, или сами догадаетесь?

– Татуировка дракона на спине, – прошептала я, и сама поразилась тому, как сухо и безжизненно прозвучал мой голос.

– Вот именно. – Седрик кивнул. – О ней рассказала соблазненная девица. Она, к слову, и сделала весьма недурственный набросок, который тоже был приложен к докладу.

Я пристыженно понурилась. Как много интересного скрывалось в этом докладе! А я не смогла продрасть через первые страницы, утопнув в никому не нужных, как мне тогда казалось, деталях.

– Говоришь, следователя зовут Рой из Больших Выселок? – неожиданно подал голос Фрей, который до сего момента очень внимательно слушал некроманта. – Почему это имя кажется мне знакомым?

– Потому что так звали стражника, приставленного охранять потайную калитку, – машинально ответила я. – Того самого, который не желал впускать нас. Помнится, если бы не вмешательство Миколики, то нам бы туго пришлось.

– Да, все верно, – подтвердил мои слова Седрик. – Меня заинтересовал его природный иммунитет к магии, о котором упомянула арахния. Это весьма достойное качество для слугителя закона. Правда, сразу же высокую должность ему, понятное дело, никто не дал. Пусть некоторое время послужит обществу и короне в качестве младшего дознавателя. Если проявит себя должным усердием, то к концу года получит повышение. По крайней мере, с этим заданием он справился достойно. Я даже не ожидал, что он разузнает столько подробностей.

Я подавленно вздохнула, почувствовав в словах Седрика скрытый, но справедливый намек. Эх, это же надо было так опростоволоситься!

– Что за шум, а драки нет?

В следующее мгновение в комнату стремительной молнией влетела Ульрика, естественно, прежде не удосужившись спросить разрешения. Сделала несколько кругов под потолком, после чего опять-таки без спроса опустила на плечо Фрея.

Бедняга приятель привычно поморщился. В последнее время Ульрика слишком часто использовала его в качестве своеобразного насеста. При этом в порыве чувств порой забывалась и щипала его, выдирала волосы, один раз даже укусила за ухо, хорошо еще, что не до крови. Конечно, после особенно вопиющих случаев он пытался поставить ее на место. Ульрика неизменно делала невинный вид и принималась просить прощения. О да, стоит заметить, последнее у нее получалось просто великолепно! Пару дней после этого фея и впрямь вела себя в пределах разумного, но потом все возвращалось на круги своя.

Я не единожды предлагала Фрею быть пожестче с феей. Полагаю, если бы он хоть раз как следует припугнул ее Мышкой, то на этом его мучения оказались бы раз и навсегда в прошлом. Но, увы, приятель обладал слишком добрым сердцем. Он лишь виновато вздыхал в ответ на мои советы и бурчал о том, что, в принципе, ему не особенно мешают проделки Ульрики. Пусть дерет ему волосы и дальше, лишь бы не кусалась.

– Так что тут за разборка? – Ульрика аж подпрыгивала от нетерпения на плече у Фрея. – А ну быстро – выкладывайте все! Неужели Мика по-крупному напортачила, ночью выбралась

из дома и досуха выпила энергию из какого-нибудь несчастного невинного прохожего, возвращающегося домой к жене и многочисленным детишкам? Какой кошмар, а я всегда предупреждала, что паучихам верить нельзя!

Все это Ульрика выпалила на одном дыхании, после чего торжествующим жестом вцепилась в густую шевелюру Фрея и выдрала оттуда целый клочок.

– Ульрика! – болезненно вскрикнул тот и отчаянно затряс головой, пытаясь прогнать со своей шеи вертлявую и очень цепкую фею. – Ты что творишь? Эдак я через пару месяцев совсем облысею!

– Зато потеть в жару меньше станешь, – хладнокровно парировала та. – Но не будем уходить в сторону от моего вопроса: что вы тут так громко обсуждали?

Я угрюмо насупилась, не имея ни малейшего желания отвечать на вопросы феи. Что скрывать, не доверяю я ей. Она слишком тесно связана с родом Ульер, а история, рассказанная духом сьера Густаво, погибшего поверенного Моргана, заставляет предположить, что нейн Ильрис руководствовался какими-то своими целями, когда взял последнего на воспитание после гибели его родителей. Не сомневаюсь, что при первой же удобной возможности Ульрика свяжется с родом, чьей хранительницей вроде как является, и передаст все известные сведения, пытаясь таким образом заслужить возвращение в замок. Пока у нее не было такой возможности, но кто знает, не появится ли она в ближайшем будущем? Поэтому я бы желала, чтобы Ульрика знала как можно меньше обо всем происходящем.

Правда, я и сама, к моему величайшему сожалению, не могла похвастаться пониманием ситуации.

– Ну что вы замолчали-то? – препротивно заныла Ульрика, опять не получив ответа на свой вопрос. – Эдак я сейчас обижусь! Какие могут быть тайны между друзьями?!

И она старательно зашмыгала носом, изо всех сил пытаясь выдавить хотя бы слезинку из абсолютно сухих глаз.

Мы с Фреем скептически переглянулись. Ага, как же, пусть старается! Все-таки стоит признать, что лицедейка из Ульрики та еще.

– Мы обсуждали мое предстоящее задание, – неожиданно проговорил Седрик, видимо, устав от трескотни феи. Замялся и неохотно исправился после крохотной паузы: – Точнее, королева мне пока ничего не поручала. Скорее, это личная инициатива. Хочу съездить в одну деревушку и проверить слухи, будто в ее окрестностях завелась нечисть. И вот думаю, стоит ли брать с собой сьерру Тамику или же я обойдусь собственными силами.

От последней фразы некроманта, произнесенной насмешливо-саркастичным тоном, я вся вспыхнула. В этот момент я не могла увидеть себя в зеркале, но не сомневалась, что по моему лицу вновь поползли пятна. Я без проблем поняла, на что намекал королевский дознаватель. Он все-таки решил наказать меня за оплошность и выбрал для этого самый действенный и жестокий метод. Седрик оставит меня в городе, а сам отправится в деревушку, прекрасно зная, что все это время я буду сходить с ума от волнения.

– Ты же королевский дознаватель по особо важным делам, – развязно напомнила Ульрика. Она не особо утруждала себя вежливостью при общении с некромантом, хотя до грубостей все-таки не опускалась, но при этом в упор не замечала, что некроманту неприятна такая фамильярность. Вот и сейчас он едва заметно поморщился, однако привычно промолчал, и Ульрика продолжила: – Зачем тебе заморачиваться подобными мелочами? Разве уничтожение нечисти не является ответственностью королевских боевых магов?

– Хочу размяться, – сухо обронил Седрик, вряд ли довольный, что ему надлежит давать объяснения. – Не люблю долго безвыездно сидеть в городе. Это предполагает постоянное посещение дворца, а я не особый любитель всей этой светской жизни.

Седрик часто посещает дворец? Я удивленно вздернула брови. Вот новость так новость! И когда он это делает? Каждый день Седрик уходил на службу в одно и то же время и приходил

в один и тот же час. И каждый день его выбор одежды был неизменен: черный изрядно поношенный сюртук, брюки и старые сапоги, давно нуждающиеся в замене. Правда, в последние дни из-за плохой погоды Седрик начал брать с собой зонтик, а однажды, когда окна ранним утром порадовали нас инистым узором, даже накинул пальто.

Вообще, такая откровенная бережливость, если не сказать больше – скупость, которой отличался некромант, ставила меня в тупик. По моим представлениям и слухам, ходящим в народе, ее величество королева Виола весьма неплохо платила тем, кто обеспечивал безопасность общества в целом и королевской семьи в частности. Но я никак не могла понять, на что в таком случае Седрик тратит деньги. Слуг до недавнего времени он не держал, обстановка в доме далека от роскошной, на одежду он тоже предпочитает тратить лишь в крайних случаях. Может быть, у него есть какое-нибудь хобби, на которое уходит много средств? Но в таком случае – какое? Эх, одни загадки!

Впрочем, я немного отвлеклась. Сейчас моей первостепенной задачей было убедить Седрика взять меня с собой, а не размышлять о том, что он делает со своим жалованьем. В конце концов, мне-то какая разница? Быть может, он предпочитает спать на матрасе, набитом золотыми монетами. Как говорится, у всех свои странности.

– Ты хочешь размяться... – задумчиво протянула Ульрика. Вспорхнула с плеча Фрея, и тот громко вздохнул от облегчения, мгновенно принявшись растирать затекшее плечо.

– Да, хочу, – спокойно подтвердил Седрик, продолжая разглядывать меня в упор. Чуть заметно усмехнулся, добавив почти шепотом: – И потом, магический дар нуждается в постоянной тренировке. Вдруг я встречу там с чем-то недружелюбным. Или вернее сказать – с кем-то? Будет повод помахать кулаками и проверить, не утратил ли я своей сноровки в боевых заклинаниях.

Ну все, это послужило последней каплей! Седрик, должно быть, намекает, что ему придется сражаться с Дани. А вдруг под его горячую руку угодит и Морган? Нет, этого я не могу допустить. Поэтому я гордо задрала подбородок и отчеканила, глядя некроманту прямо в глаза:

– Я еду с вами!

– Да неужели? – насмешливо удивился тот. – С чего вдруг?

На какой-то миг меня посетила дикая мысль пасть перед некромантом на колени и зарыдать в полный голос, умоляя простить меня. Но вместо этого я крепко сжала кулаки, пытаясь таким образом скрыть предательскую дрожь своих пальцев, и срывающимся от волнения голосом заявила:

– По-моему, моя помощь будет вам очень кстати, господин королевский дознаватель. Если в окрестностях той деревушки на самом деле имеется нечисть, то я без проблем почую ее.

– Если честно, не уверен. – Седрик покачал головой. – Нечисть есть нечисть, а сумеречные создания есть сумеречные создания. Не стоит смешивать эти два понятия.

Вот ведь сволочь! Прекрасно понимает, что мы оба говорим о драконе, который как раз и прячет свою истинную суть в тених, но при этом упорно старается не называть вещи настоящими именами. Знает, что я не посмею при Ульрике говорить напрямик. Вот и наслаждается моей беспомощностью.

– И все-таки я считаю, что моя помощь будет вам необходима, – попыталась я настоять на своем. – Господин королевский дознаватель...

– Нет, вы останетесь дома, – оборвал меня Седрик.

Я поняла, что шутки закончились. Некромант продолжал улыбаться, но от его глаз теперь повеяло таким холодом, что я невольно плотнее запахнулась в теплую шаль.

– К тому же у вас много хлопот по хозяйству, – чуть мягче продолжил Седрик, изогнул бровь и многозначительно посмотрел на письменный стол, залитый чернилами, и пятна на ковре. – Надеюсь, к моему возвращению вы приведете все в порядок. В любом случае, не думаю, что моя поездка продлится долго. День, максимум, два.

Я хотела возразить ему, придумать еще какие-нибудь причины, чтобы обосновать необходимость нашей совместной поездки. Но Седрик не дал мне возможности продолжить спор. Развернулся и вышел, оставив меня немо разевать рот от возмущения.

– Возможно, оно и к лучшему, – успокаивающе пробасил Фрей, без особых проблем поняв, какие мысли меня терзали в этот момент. – Ты вроде как мерзнешь сейчас постоянно, а погода стоит такая, что добрый трактирщик и тролля на постой пустит.

Правда, тут же осекся, осознав, как двусмысленно прозвучала известная присказка по отношению ко мне.

– Да что все-таки происходит? – в очередной раз спросила Ульрика, примостившись на платяном шкафу. – Ничего не понимаю! С чего вдруг вы все так переполошились из-за отъезда этого некроманта? Пусть едет, куда хочет! Его проблемы, если ему дома не сидится в такие дожди. А мы пока поблаженствуем без его навязчивого присутствия. Как в старые добрые времена вечера будем проводить за бутылочкой вина, и никто не будет укоризненно вздыхать, если я позволю себе немного расслабиться. А то ишь – нельзя, чтобы на королевского дознавателя по особо важным делам поступала жалоба от соседей, в которой говорится о нарушении порядка и тишины в ночное время суток.

Последнюю фразу Ульрика произнесла нарочито грубым и низким голосом, явно пытаясь подражать интонациям Седрика. Получилось так себе, если честно. Но до сего момента я и не подозревала, что Седрик успел отчитать Ульрику за слишком шумное поведение, присущее ей после принятия бокала-другого вина. Помнится, в последний раз она действительно перебрала и устроила настоящий бедлам. Прихватила початую бутылку, спряталась ото всех на самом верху одного из шкафов, чтобы никто ее достать не сумел, после чего принялась горланить на редкость неприличные песни. Не знаю, сколько бы это безобразие продолжалось, но некроманту в итоге пришлось пригрозить ей, что если она немедленно не спустится, то он воспользуется каким-нибудь на редкость болезненным заклинанием. А я-то все гадала, почему после того случая она больше не рвалась повторить свой подвиг. Мне было даже немного досадно из-за этого. Ведь всего за пять минут ее песен я узнала больше ругательств, чем за всю свою предыдущую жизнь. Правда, смысл некоторых высказываний и сравнений ускользнул от меня. Я попыталась было спросить Фрея, но бедняга побагровел, поперхнулся и так долго кашлял, при этом смущенно пряча от меня глаза, что мне стало его жалко. Ладно, успею. В конце концов, Моргана допрошу с пристрастием. А лучше – испробую на нем свои новые познания в науке ругательного. Когда мы его найдем, естественно.

«Если мы его найдем», – уныло исправил внутренний голос.

Я качнула головой и внезапно решила. Будь что будет, но я отправляюсь в эту самую деревню! И никакого разрешения некроманта мне не требуется! В конце концов, арахния я или нет?

– Ох, не нравится мне что-то выражение твоего лица. – Фрей укоризненно покачал головой. – Очень не нравится. Мика, как бы ты опять в беду не угодила. Как там говорится? Дурная голова ногам покоя не дает?

– Я знаю другой вариант этой поговорки, – внезапно подала голос Ульрика, которая с нескрываемым интересом на меня смотрела. – Он более грубый, но куда вернее. Дурная голова в нем не дает покоя тому, на чем обычно сидят.

Больше я не слушала разговор между Фреем и Ульрикой. Мыслями я была вся в предстоящем путешествии. Возможно, я действительно совершаю глупость, о которой потом мне придется сильно пожалеть, но сегодня же ночью я отправлюсь в деревню под названием Аталиен и разужу все, что смогу, о смутьяне по имени Дани. Если этот дракон свил себе там гнездо, то я непременно его отыщу!

* * *

Я знала, что Седрик отправится в путь только утром, и собиралась опередить его. Правда, выехать из дома тогда, когда некромант еще бодрствовал, я не могла. Пришлось остаток дня провести в тревожном ожидании. Я заперлась в своей комнате, прежде безжалостно выгнав и Ульрику, и Фрея. Последний, к слову, особенно упорствовал, желая остаться со мной наедине и убедить отказаться от моего намерения. Я вытолкала его чуть ли не вшаей, не собираясь выслушивать никаких доводов и воззваний к здравому смыслу. Понимаю, что поступила невежливо. Фрей имел полное право обидеться. Но мне сейчас было не до раздумий об окружающих. Слишком много своих проблем, чтобы переживать из-за таких мелочей.

Оставшись в долгожданном одиночестве, я быстро побросала нехитрый скарб в уже знакомую котомку, пережившую со мной путешествие к замку рода Ульер и дальнейшие блуждания по Прерисии. Вещей с собой я взяла по минимуму: смену белья, несколько пар шерстяных носков, два теплых свитера, коими обзавелась на остаток аванса после покупки платья. Неполную минуту я сомневалась, вожаделенно поглядывая на жаровню и всерьез прикидывая, не захватить ли ее с собой. Но потом передумала. Ладно, Седрик сказал, что деревня совсем рядом с Ерионом. Надеюсь, за столь короткую поездку я не простужусь.

«С твоим-то везением можно ожидать, что ты как раз простудишься, более того, заболеешь воспалением легких, после чего покинешь сей бренный мир в самом расцвете сил и возможностей», – с упоением принялся мрачно пророчествовать внутренний голос.

Я недовольно покачала головой. Никогда бы не подумала, что скажу это, но иногда я начинаю скучать по Эдриану. С ним было как-то... веселее, что ли. И спокойнее. Я всегда знала, что в любой ситуации могу рассчитывать на дружеский совет.

Эх, даже не верится, что наши отношения так ужасно завершились. Любопытно, где он сейчас? Малейшие мои попытки вызнать его судьбу у Седрика оканчивались ничем. Некромант начинал морщиться, хмуриться, будто мои вопросы доставляли ему физическую боль, и как-то незаметно переводил разговор на другую тему. Если же я настаивала и невольно повышала голос, то просто брал – и уходил.

Такое поведение было для меня очень странным и необычным. В нашей семье споры велись до последней разбитой тарелки, как говорится. Уход по собственному желанию с так называемого поля боя был просто немыслим! Когда Седрик проделал это в первый раз, то я застыла с открытым ртом, ошарашенно глядя на захлопнувшуюся за ним дверь. Сначала я подумала, что он вот-вот вернется, просто желает показать мне какие-нибудь документы, свидетельствующие о незавидной участи Эдриана. Но в тот вечер я его так и не увидела больше. Во второй раз я попыталась проявить настойчивость, бросилась было за ним, но тут же замерла, как вкопанная, поскольку некромант, не оборачиваясь, прищелкнул пальцами – и воздух между нами разрежала крохотная ярко-алая молния. Весомое предупреждение, ничего не скажешь. Я была хорошей ученицей, поэтому третьего раза не последовало. А то мало ли. Магов нельзя злить. Вдруг следующее заклинание отправилось бы мне прямо в лоб?

Перебрав в очередной раз свою котомку и убедившись, что ничего не забыто, я принялась устранять последствия своей утренней оплошности. Все равно заняться было нечем. Надеюсь, отмытый от чернил письменный стол и чистенький ковер смягчат сердце некроманта, если он поймает меня. В конце концов, его поручение по уборке я выполнила, а следовательно, вольна делать то, что пожелаю.

За окнами медленно темнело. Дождь все так же уныло барабанил по стеклам, и я зябко обхватила плечи ладонями. Как все-таки не хочется покидать теплый дом! Но я должна, просто-таки обязана найти Моргана! Если он в беде, то я помогу ему. Вытащу из любой переделки, а потом самолично прибью негодяя за то, что выгнал меня тогда, не дав поучаствовать в раз-

говоре с Дани. Ух, как я зла на него! Даже не знаю, кинусь ли я на него с поцелуями или с кулаками, когда увижу в следующий раз.

«С поцелуями, – насмешливо шепнул внутренний голос. – Конечно же, с поцелуями. А уж потом можно будет ему и бока намять как следует».

Я тряхнула головой, отогнав от себя эти мысли. Потом, все потом. Сначала надо найти Моргана, а потом уже рассуждать, что с ним делать.

Остаток дня тянулся как никогда долго. От безделья я даже прочитала и перечитала доклад следователя, точнее, те листы, которые уцелели после разлития чернил. Как будто это могло смягчить сердце Седрика! Как говорится, все надо делать вовремя. Но несколько весьма интересных деталей я из этого чтива все-таки для себя почерпнула.

Погруженная в собственные мысли, я почти не заметила, как прошел ужин. Удивительное дело, но остальные тоже не были настроены на ведение разговоров. Ульрика сделала пару попыток завязать общую беседу, но быстро поняла, что это бесполезно, и насупленно замолчала, вожаденно поглядывая на столик с напитками, поскольку свой бокал вина она осушила одним глотком еще перед подачей жаркого, а добавки ей, естественно, никто и не подумал предлагать.

Несколько раз я ловила на себе отстраненный взгляд некроманта. Он смотрел на меня так, будто пытался прочитать мои мысли. Но каждый раз, когда я отвечала на его взгляд, тут же опускал голову и принимался с демонстративным интересом изучать жаркое в своей тарелке, словно сомневался, что оно приготовлено из свинины.

Положение не спасла даже традиционная вечерняя чашечка чая, куда в столь промозглую погоду так и тянет добавить немного крепкого алкоголя. Точнее, от нее никто не отказался, но и это прежде безотказное средство не помогло нам сделать обстановку теплее. Сразу после этого я извинилась и отправилась к себе, где в тысячный, наверное, раз проверила вещи и уселась ожидать, когда остальные наконец-то утомятся и лягут спать.

Где-то около полуночи за дверью прозвучали негромкие шаги. Я безошибочно опознала Седрика. Спальня некроманта располагалась в самом конце длинного коридора, и для того чтобы попасть в нее, ему надлежало пройти мимо моей комнаты.

Внезапно шаги затихли. Я напряглась, ожидая, что вот-вот раздастся стук и просьба войти. Бесшумно стащила с кровати котомку и принялась запихивать ее под кровать. Но почти сразу некромант отправился дальше по коридору, а спустя еще минуту до меня донесся звук захлопнувшейся двери.

Я глубоко вздохнула, только сейчас осознав, что все это время не дышала. Чуть дрожащей рукой смахнула выступившую на лбу испарину. Фух, пронесло! Нет, не думаю, что Седрик увидел бы мои приготовления к отъезду. Однако внимательности некроманту не занимать. Он вполне мог заметить мою нервозность и непременно задался бы вопросом, с чего вдруг я так переживаю.

Перед тем как выйти прочь из теплой светлой комнаты, я кинула последний взгляд на окно, снаружи усеянное мириадами крошечных капелек. В отражении стекла увидела бледную мрачную девицу. Улыбнулась ей – и она несмело улыбнулась мне в ответ, но почти сразу нахмурила брови вновь. Эх, ладно, хватит медлить и ожидать не пойми чего! Самое время действовать!

* * *

Естественно, я не собиралась покидать город через главные ворота. Во-первых, на ночь их закрывали, а во-вторых, я не имела ни малейшего желания терять время на очередь и обязательную беседу со стражником. К тому же кто знает, насколько далеко простираются связи Седрика. Вдруг ему моментально доложат о том, что некая особа, по описанию очень похожая

на его новую помощницу, пожелала покинуть город. Не думаю, что по улицам Ериона ходит много рыжеволосых и зеленоглазых девиц.

В общем, не было ничего удивительного в том, что я решила воспользоваться уже знакомой мне потайной калиткой. Думаю, если через нее можно войти в город, то и покинуть его не составит особого труда. Что же насчет стражника... Помнится, Миколика легко и просто решила это затруднение. Почему бы не последовать ее примеру? В конце концов, арахния я, или нет?

Итак, на улице царила глухая полночь, когда я тихонько прошмыгнула через прихожую и покинула гостеприимный дом некроманта. На крыльце я остановилась, ошеломленная неожиданным порывом холодного ветра, напоенного мельчайшими брызгами воды, который ударил мне прямо в лицо. Поежилась, проверив застежки теплой куртки, накинула на голову капюшон и смело вышла под дождь. Благо к этому моменту ливень уже прекратился, но с темных низких небес продолжала сыпать противная морось.

Я не боялась заблудиться на ночных улицах Ериона. Да, на них сейчас плескался мрак, изредка разбавляемый желтыми пятнами тусклых фонарей. Но темнота благодаря способностям арахнии не представляла для меня особой проблемы. И я не боялась встретиться ни с каким отребьем. Скорее, это им надлежало опасаться меня. Ведь все это время в доме некроманта я провела на самой настоящей голодной диете, поскольку совесть не позволяла мне пить энергию из друзей. Да, я понимала, что какая-то часть ее все равно попадала ко мне помимо воли. Но этот процесс я не могла контролировать при всем своем горячем желании.

Тем не менее боги благоволили ко мне сегодня. Я добралась до городской стены, никем не увиденная и не услышанная. Видимо, столь холодную и неуютную ночь даже уличные грабители и прочие недостойные личности предпочли провести в теплой обстановке трактиров и собственных скромных жилищ, здраво предположив, что приличные и достойные люди, являющиеся их добычей, вряд ли выйдут на позднюю прогулку в такую погоду.

В общем, я без всяких проблем обнаружила калитку. Со стороны городских улиц ее защищали густые, пышно разросшиеся колючие кусты незнакомого мне растения. Было бы, наверное, правильнее воспользоваться маскировочными чарами, но тогда это место неминуемо привлекло бы внимание всевозможных магов. А так пройдешь мимо – и ни за что не догадаешься, что находишься совсем рядом от удачно прикрытого караульного поста, охраняющего потайной ход из города.

Сейчас на дежурстве маялся всего один стражник. Я не видела его, поскольку еще не нырнула в кустарник, но чувствовала биение только одного сердца. Я закрыла глаза, сосредоточиваясь на шепоте сумрака, и тот послушно пришел ко мне на помощь. Перед моим мысленным взором нарисовалась невысокая щуплая и сгорбленная фигурка, чьи очертания с трудом угадывались под тяжелым плотным плащом, укутывающим ее с ног до головы.

Я сделала глубокий вздох и замерла. Мир вокруг исчез. Осталась только я – и одинокий стражник, мерзнувший под дождем.

– Открой мне дверь.

Это сказала не я. Это прошептал порыв ветра, и я увидела, как стражник испуганно вздрогнул и принялся оглядываться.

– Открой дверь и выпусти меня, – эхом прошелестели капли воды, сорвавшиеся с веток кустарника.

Стражник нерешительно переступил с ноги на ногу. Потянул было руку к запору на калитке, но тут же одернул ее, в изумлении уставившись на свои пальцы, посмеявшие предать его.

– Открой дверь. Никто не узнает, – прошелестел мрак, извивающийся на земле под ногами несчастного. – Тут никого нет. Просто проверь – не стоит ли кто по другую сторону?

Стражник опять потянулся к запору. На этот раз он не медлил. Решительно отодвинул засов в сторону, распахнул калитку и замер, невидяще уставившись в темную пустоту.

Как и планировалось, он даже не вздрогнул и не покосился на меня, когда я проходила мимо. Не удержавшись, я ободряюще потрепала стражника по плечу, правда, вряд ли он это ощутил и уж точно не запомнил.

– Неси свою службу дальше, – шепнула ему я. – Ты молодец. А об этом забудь. Этого момента просто не было.

– Не было, – едва слышно отозвался тот.

Я покинула город. Спустя мгновение до меня донесся лязг задвигаемого засова. А я стояла, запрокинув голову к далеким небесам, и праздновала свою первую маленькую победу. Да, стоило признать, жить арахнией намного проще и легче, чем человеком.

«А где ты собираешься достать лошадь? – насмешливо спросил внутренний голос. – Или, как истинная арахния, сплетишь ее из паутины? Помнится, твоего ленивого мерина Седрик отвел в королевские конюшни, убедив тебя, что при первой же необходимости вернет тебе его. Все равно, мол, в его городском доме нет возможности держать верховых животных».

Я нахмурилась. Кстати, а об этом я как-то и не подумала. Лошадь. Мне в самом деле нужна лошадь. И почему только я считала, что все мои проблемы закончатся, едва я выберусь за пределы городских стен?

«Седрик вроде бы сказал, что деревушка недалеко от Ериона, – с прежним сарказмом продолжил глас моего рассудка. – Всего миль десять или двадцать. В принципе, ты можешь преодолеть их пешком. Если поторопишься и не будешь отдыхать, то с учетом дурной дороги и темноты к следующему дню доберешься».

Я недовольно передернула плечами. Если честно, пешая прогулка меня не прельщала. К тому же сперва надо определить, куда вообще надлежит держать путь. Я знаю название деревни – Аталиен, – но понятия не имею, где ее надлежит искать. Я же не могу пойти куда глаза глядят, надеясь, что в конечном итоге ноги приведут меня именно в нужное мне место.

Я угрюмо вздохнула. Да, столь важные детали необходимо было обдумать намного раньше – еще до выхода из дома. А теперь мне что делать? Не возвращаться же? Конечно, о столь позорном и быстром завершении моего путешествия никто не узнает, но мне самой будет очень обидно, что я оказалась не способной на элементарнейшую вещь.

Понятия не имею, сколько времени я так простояла – с отчаянием глядя то на городскую стену, то на едва заметную тропку, уводящую в неведомые дали. Но неожиданно по ту сторону калитки послышался какой-то непонятный шум. Я едва успела отпрыгнуть за невысокое деревце и прильнуть к нему, стараясь стать как можно более незаметной, как она распахнулась. Некоторое время простояла открытой, после чего закрылась.

Я недоуменно хмыкнула. И что все это значит, хотелось бы мне знать? Неужели стражник очнулся от моих чар и решил проверить, действительно ли выпустил кого-то за городские пределы без необходимого на то разрешения? Да нет, вряд ли. Он вообще не должен вспомнить, что это происшествие имело место быть. Но тогда что это было? Или стражнику стало скучно, и он решил развлечься таким образом? Ничего не понимаю!

– Ага, нашлась беглянка! – в следующее мгновение вдруг страшно зарычали мне на ухо, и в мое плечо кто-то очень цепко и очень больно вцепился.

Я не заорала в полный голос от ужаса лишь потому, что голос, как это часто бывает в минуты крайнего волнения, перестал служить мне. При всем своем желании я смогла выдать из горла лишь хриплый сип. Сердце забилось так, будто пыталось выпрыгнуть из груди, пробив ребра изнутри. И я тяжело привалилась к дереву, почувствовав, как предательски затряслись колени.

– Не пугай так Мику, – неожиданно услышала я знакомый бас Фрея. – А то вдруг в обморок бухнется. Что мы тогда с ней будем делать?

Фрей? Я в самом деле слышу голос Фрея? Но откуда он здесь? А самое главное – почему я его не вижу?

В темноте что-то неярко замерцало, и я внезапно увидела приятеля. Он не выступил из теней, он просто появился всего в шаге от меня, как обычно появлялась Ульрика, когда переставала использовать чары невидимости.

Постой-ка, Ульрика и чары невидимости? Я зло прищурилась и с силой, удивившей даже меня, вдруг ударила по плечу, которое все еще ощущало хватку кого-то неведомого. Как и следовало ожидать, попала не по себе, а по чему-то очень мягкому и теплему.

– Ай, больно! – заверещал знакомый голосок. – Мика, ты меня чуть не прибила! Осторожнее быть надо!

– Осторожнее быть надо?! – на редкость противным визгливым голосом переспросила я, благо что тот как раз вернулся ко мне. – Это ты мне говоришь? Да у меня чуть сердце не разорвалось от страха!

– Сама виновата, – парировала Ульрика. – Если испугалась, значит, совесть нечиста.

Я в очередной раз онемела от возмущения. Что?! Да будь на моем месте даже легендарный безгрешный святой – и тот бы подпрыгнул от неожиданности, если бы его темной ночью в безлюдном месте начал бы кто-нибудь хватать за плечи и угрожать расправой.

– Тише вы! – испуганно шикнул Фрей, покосившись в сторону калитки, из-за которой как раз слышалось осторожное покашливание стражника. – Нашли место для разборки! Тот веселья будет объяснять, что мы забыли около потайной калитки.

– Можете придумывать объяснения уже сейчас, – проговорил новый голос из темноты.

От страха вскрикнули все трое: я и Ульрика с Фреем. Последний, к слову, несмотря на то, что был самым крупным из нас, да к тому же единственным мужчиной, сделал трусливую попытку спрятаться за мной.

– А вдруг это какой-нибудь оголодавший зомби? – выдохнул он, ни к кому, в сущности, не обращаясь, и тем самым полностью объяснил свой поступок.

Действительно, после невеселых приключений в доме некроманта Виллоби Эйра Фрей проникся еще большим страхом к мертвым и всему, что окружало культ загробного. Однажды он даже перебудил всех в доме Седрика бессвязными воплями, прозвучавшими далеко за полночь. Когда некромант выбил дверь в его комнату, то обнаружил несчастного здоровяка спрятавшимся под кровать и трясущимся от ужаса. Как оказалось, Фрею приснился бедняга Эдвард, глухонемой слуга, которого Виллоби сначала жестоко убил, а потом поднял из могилы. Седрик уверял нас, что решил проблемы Эдварда, даровав ему так давно ожидаемый покой, но при самом действии никто из нас не присутствовал. Вот Фрею и привиделось, будто мертвец пробрался в его комнату, перепутав ее со спальней Седрика, и сейчас накинется, мстя за обманутые надежды на царство теней.

После того происшествия некромант притащил откуда-то огромную бутылку успокоительного отвара и приказал Фрею каждый вечер перед сном выпивать не менее стакана. Тот сначала кисло скривился, явно не испытывая особого энтузиазма от этой идеи. Тогда Седрик вкрадчивым тоном искусителя предложил ему хотя бы пригубить принесенный отвар. И после первого же глотка Фрей моментально забыл о своем недовольстве. Ради интереса я тоже попробовала это пойло и сразу же поняла, почему Фрей не сделал даже попытки возмутиться. Этот самый отвар оказался чистейшим самогоном со слабыми нотками валерьяны.

Кстати, закончилась эта огромная бутылка всего за несколько дней. Подозреваю, что наипервейшее участие в этом приняла Ульрика, от чутья которой не могли скрыться никакие запасы алкоголя в доме. Фрей намекнул было Седрику на то, что неплохо бы возобновить запас лекарства, но тот в ответ лишь свирепо глянул на него. Видимо, господин королевский дознаватель оказался не готов снабжать своего слугу алкоголем на постоянной основе. Но удивительно то, что кошмары Фрея больше не посещали.

Все это промелькнуло в моей голове со скоростью молнии. Я сделала безуспешную попытку выпихнуть Фрея вперед себя, затем постаралась отыскать взглядом Ульрику, но впускаю. Феи и след простыл. Должно быть, она поспешила воспользоваться чарами невидимости, без зазрения совести бросив нас на произвол судьбы. Что же, выходит, эту ситуацию придется разрешать мне.

– Кто здесь?

Я хотела задать вопрос как можно более внушительно и грозно. Но в итоге получилось что-то вроде писка полужадушенной мыши, которой кошка еще не наигралась.

Тишина была мне ответом. Недобрая такая тишина, наполненная зловещим шелестом листвы и звуком падающих капель воды с веток, сводящим с ума своей заунывностью.

Я невольно передернула плечами и с силой сжала кулаки, вперив свой взгляд в особенно плотный сгусток мрака, притаившийся под одним из деревьев. Кажется, голос доносился именно оттуда.

Фрей позади всхлипнул и прижался к моей спине, тем самым вынудив меня сделать шаг вперед.

– Кто здесь? – повторила я.

Это прозвучало еще жалче. Как будто я была готова в любой момент удариться в нервную истерику. Впрочем, что душой кривить, я и в самом деле с трудом сдерживала крик, так и рвущийся из самых глубин моей души. Что за дурацкие шутки! Если в кустах на самом деле сидит чудовище – то пусть покажется и нападет в свое удовольствие! Это лучше, чем терзать невинных жертв страхом неизвестности и ожидания наихудшего.

– Итак, дружная компания, что вы тут забыли? – в следующее мгновение раздалось уже ближе.

Я нахмурилась. Сдается, я узнаю этот голос. Ой, лучше бы в кустах сидело чудовище! Да что там – одно чудовище! Два, три, целая толпа чудовищ! Все лучше, чем встреча с этим человеком!

Почти сразу над нашими головами взмыл крохотный и ослепительно яркий шар света, и я увидела Седрика. Господин королевский дознаватель по особо важным делам стоял чуть поодаль от нас, небрежно привалившись плечом к стволу огромного векового дуба, и язвительно ухмылялся.

– Седрик! – Фрей испустил такой вздох облегчения, что тем самым едва не сдул меня с места. – Это ты! Ну и перепугал же ты нас! Предупреждать надо!

– Седрик? – Воздух рядом засеребрился, доказывая, что Ульрика не улетела далеко, видимо, желая увидеть, чем закончится эта сцена. И фея боязливо добавила, не торопясь проявиться полностью: – Это действительно ты?

– Седрик, – машинально пробормотала я за остальными.

Не могу описать словами, какой вихрь эмоций на меня обрушился. С одной стороны, я была рада, что мне не придется ни с кем сражаться. Но с другой, действительно, уж лучше бы меня ожидала хорошая драка, чем разговор с моим работодателем. А в том, что выяснение отношений непременно последует, сомневаться не приходилось.

Я опустила голову, не в силах выдержать пристального взгляда Седрика. Ишь как уставился. Того и гляди дыру проглядит. Но я понимала, что он имеет все основания для дурного настроения. Дважды за одни сутки я весьма и весьма отличилась. И отличилась, увы, отнюдь не в хорошем смысле слова. Сначала я с треском провалила простейшее задание, потом ослушалась прямого приказа и самовольно покинула город. Ох, сдается, сейчас мне придется очень и очень несладко!

– К вашему счастью, это на самом деле я. – Некромант сложил на груди руки, криво ухмыльнувшись.

В этот момент из-за калитки, остававшейся по-прежнему закрытой, раздался громкий кашель стражника, пытающегося таким образом привлечь наше внимание, после чего он взмолился.

– Эй, господа хорошие, понятия не имею, кто вы и что там делаете, – проговорил бедняга хриплым от начинающейся простуды голосом. – Но прошу вас, будьте так любезны: или идите прочь, поскольку вы вообще не должны тут быть и знать об этом месте, или же представьтесь по всем правилам, чтобы я с чистой совестью пропустил вас в город.

– Зачем нам в город, если мы только что покинули его? – простодушно удивилась Ульрика, словно не заметив, что Седрик приложил палец к губам, призывая ее к молчанию.

Не сомневаюсь, что фея увидела его знак, но из-за природной вредности проигнорировала. Да разве можно было ожидать от нее иного, ведь ее жизненные принципы целиком и полностью умещались в одной простой фразе: сделал гадость – сердцу радость.

– Как это: вы только что покинули его? – Несчастный стражник аж икнул от такого заявления. И он испуганно залепетал, силясь опровергнуть эту ложь: – Но ведь я... Я никого не пропускал... Я клянусь, что...

– Сьерра Тамика, – почти не разжимая губ, обронил Седрик. – Прошу вас, уладьте это недоразумение. А затем мы продолжим наш разговор подальше от сего места, дабы не мешать доблестному мужу нести свою и без того нелегкую стражу.

Я кивнула и неслышно скользнула обратно к калитке. Прижалась к ней всем телом, призвав на помощь сумрак. И он немедля отозвался. Заструился по моим пальцам, просачиваясь на другую сторону стены.

Стражник еще бормотал что-то, убеждая прежде всего себя в том, что не несет никакой вины. Но вдруг замолчал, споткнувшись на полуслове. Я не могла его видеть, но знала, что в этот момент его плотно окутал белесый туман, не давая пошевелить и пальцем.

– Забудь, – шепнула я. – Все забудь. Ничего не было. Никого не было. Ты хороший мальчик.

– Я – хороший мальчик, – послушно согласился со мной стражник. Естественно, людям нравится, когда их хвалят.

Закончив с этим простеньким заданием, я повернулась к некроманту и с немым возмущением вздернула подбородок. И что дальше? Отправит меня домой? Но это как-то глупо. Опять придется зачаровывать стражника. Или же прикажет идти к городским воротам и ожидать там восхода солнца, после чего опять-таки вернуться в дом королевского дознавателя?

«Ты забыла еще один вариант развития событий, – с тревогой заметил внутренний голос. – И он выглядит куда вероятнее прочих. Господин королевский дознаватель вполне может приказать тебе убираться на все четыре стороны. По-моему, он уже устал от твоих выкрутасов».

Седрик ничего не стал говорить. Он многозначительно покосился на калитку, за которой скрывался несчастный стражник, после чего поманил меня пальцем, развернулся и бесшумно скрылся во мраке, плескавшемся под сенью мокрых от дождя деревьев.

Что мне оставалось делать? Я уныло переглянулась с Фреем, который выглядел не менее расстроенно, покосилась на Ульрику, даже не пытающуюся скрыть торжествующую улыбку. Видимо, фея заранее радовалась предстоящей мне суровой выволочке.

Я тяжело вздохнула и последовала за Седриком. Ну что же, придется держать ответ за свой поступок.

* * *

К моему величайшему удивлению, идти пришлось долго. Я полагала, будто Седрик ограничится тем, что отведет меня немного от злополучной калитки, дабы больше не тревожить

спокойствие несчастного стражника, которому и без того сегодня изрядно досталось, после чего примется отчитывать. О, как раз это господин королевский дознаватель умел делать великолепно! Нет, он не повышал голоса, продолжал говорить тихо и спокойно. И чем тише он разговаривал, тем серьезнее был проступок и тем хуже обстояли дела у того, кто попался на провинности. Честное слово, лучше бы некромант кричал при этом! Я имела несчастье присутствовать при том, как он высказывал Ульрике свое недовольство после ее очередной шутки. Уж насколько фея отличалась толстокожестью и непоколебимой уверенностью в собственной правоте, какую бы подлость ни совершила, и то она то краснела, то бледнела, а под конец обвинительной речи вообще сделала вид, будто упала в обморок. Создавалось полное ощущение, что некромант способен голосом снимать кожу.

Чем дальше мы углублялись в лесную чащобу, тем более нехорошие предчувствия начинали меня глотать. А вдруг Седрик вздумал не выгонять меня, а убить? Он вполне способен решить, что арахния, вышедшая из-под контроля, станет опасной. Намного легче предотвратить возможные неприятности, чем потом их расхлебывать.

Я невольно поежилась от столь жуткой, а самое главное – весьма правдоподобной мысли. Но развить ее не успела, поскольку в этот момент меня догнал Фрей и пошел рядом.

Не могу сказать, что меня обрадовало такое проявление внимания со стороны приятеля. Он был намного выше меня ростом, поэтому задевал куда большее количество веток, с которых на нас немедленно обрушивались потоки ледяной воды. Но, с другой стороны, к этому моменту я уже промокла в достаточной степени, чтобы относиться к этому с изрядной долей равнодушия.

К тому же, что скрывать, мне было очень интересно узнать у Фрея, каким образом он и Ульрика вообще здесь оказались.

– Ну? – буркнула я. – И что ты тут забыл?

От столь неприветливого начала разговора Фрей даже споткнулся и чуть не загремел носом в грязь. Правда, в последнее мгновение удержался от падения и насупился.

– А я-то думал, ты обрадуешься моему появлению, – обиженно проговорил он. – Я ведь не просто так, я ведь помочь хочу! Иначе стал бы, по-твоему, переться в такую ночь из теплого дома не пойми куда.

– Ульрику зачем с собой брал? – чуть мягче поинтересовалась я, ощутив легкий укол совести.

– Да она сама за мной увязалась. – Фрей смущенно пожал плечами. Кинул опасливый взгляд через плечо, желая узнать, не летит ли прямо за нами предмет нашего разговора, но Ульрика, по всей видимости, предпочла воспользоваться чарами невидимости. По крайней мере, я нигде не видела даже отблеска от пыльцы с ее крылышек. Фрей растерянно пожевал губами, но затем все-таки продолжил: – Точнее, это как раз она и сообщила мне, что ты намылилась невесть куда. Я давно лег, а она вдруг как гаркнет мне на ухо, мол, вставай, Мика опять глупости творит. Я спросонья чуть головой потолок не пробил, так подскочил. Ульрика, естественно, засмеялась от моего ошарашенного вида. А потом заявила, что ты, одетая и с походной котомкой, только что выскользнула из дома.

Я досадливо цокнула языком. Да, стоит признать, что феи обладают на редкость неприятной способностью: быть в курсе всего происходящего в том жилище, где находятся. А я искренне надеялась, что мне повезет и Ульрика не обратит на мой уход особого внимания, к тому моменту заснув.

– Я понимал, конечно, что ты очень хочешь с Седриком поехать, – продолжил Фрей. – Но не думал, что из-за своего желания ты на подобное пойдешь. Что мне оставалось делать? Только одеться и поспешить за тобой. Думал, что догоню тебя еще до калитки и убежу... убедю... тьфу, демоны!.. В общем, сумею убедить не глупить и вернуться, пока некромант

не спохватился. Но ты уже выскользнула из города. И мы последовали за тобой, благо что Ульрика сумела зачаровать стражника, кинув ему пыльцу в глаза.

– А вы в курсе, что от этого он мог ослепнуть? – не поворачивая головы, обронил Седрик, который шел впереди.

Должно быть, он внимательно прислушивался к нашему разговору. Тем более что Фрей, забывшись, принялся говорить в полный голос, хотя и начинал шепотом.

– Как это – ослепнуть? – ошарашенно переспросил тот.

– А вот так, – огрызнулся некромант. – Кроме того, полагаю, бедняга теперь получит возможность видеть сумеречный мир. И если ему не объяснить, что к чему, то он рискует сойти с ума, не понимая, что за чудовищ иногда встречает.

– Это правда? – Фрей требовательно дернул меня за рукав. Вид у приятеля был совершенно несчастным, по-моему, он даже всерьез собирался заплакать.

Я нехотя кивнула, вспомнив свою первую встречу с Ульрикой в доме Арчера. Помнится, тогда я пережила весьма неприятные мгновения, поверив, будто навсегда останусь в столь беспомощном состоянии. И кто знает, чем бы это для меня закончилось, если бы в происходящее не вмешался Арчер.

– Ничего не понимаю! – Фрей даже остановился и растерянно всплеснул руками. – Но Ульрика столько раз мне порошила глаза своей пылью! Я даже со счета сбился. Мика, ты же сама знаешь, как она любит на моем плече восседать.

– С тобой ничего не происходило, потому что между нами сохраняется особого рода связь, – в этот момент раздался откуда-то сверху недовольный голос Ульрики. – Ну, помнишь ту ночь, когда мы перебрали вина, настоящего на усыпляющих травах, которое Морган держал для путников, направляющихся в замок Ульер? После этого ты получил своего рода иммунитет против моих чар. Впрочем, не только против моих. Полагаю, ты приобрел устойчивость против любых заклинаний иллюзии, так как феи используют в основном именно эти чары.

– Вот как? – Фрей воссиял радостной улыбкой и в один гигантский шаг догнал меня и Седрика. Но почти сразу погрузился и негромко спросил, адресуя свой вопрос к невидимой фее: – Так что там со стражником? Он на самом деле ослепнет?

– Нет, – неохотно проговорила Ульрика. – С ним все будет в порядке. Кстати, и сумеречный мир он не начнет видеть.

После чего замолчала, явно не желая давать больше никаких объяснений.

Однако Фрею они и не требовались. Приятель шумно вздохнул, выражая таким образом свое облегчение, и победно хохотнул.

– Но почему? – требовательно спросила я, в отличие от приятеля желая прояснить этот момент до конца. – Почему стражнику не грозит ослепнуть? Помнится, когда ты кинула мне в глаза пылью...

– Тебя я сочла воровкой, без спроса залезшей в дом и нагло пожравшей печенье, которое я лично испекла для Арчера, – пробурчала Ульрика. – И я хотела, чтобы ты понесла наказание. Понимаешь? Хотела! А стражнику я зла не желала. Мальчишка, поди, всего первый или второй раз в карауле, что с него взять!

– То есть ты считаешь, что голодный человек, без спроса взявший пару печенюшек, заслуживает столь суровой участи, как навсегда ослепнуть? – на всякий случай уточнила я то, что следовало из слов феи.

Как я ни старалась сдерживать эмоций, но мой голос задрожал от самого настоящего бешенства. Ну и Ульрика! Казалось бы, я уже должна привыкнуть к ее мерзкому характеру и давно не жду от нее ничего хорошего. Но все равно иногда ее пагубная страсть делать гадости даже меня удивляет и ставит в тупик.

– Я не люблю готовить, – сделала фея слабую попытку оправдаться. – Ты бы знала, как я ненавижу это занятие! Суетишься около плиты, суетишься, порой раскаленным маслом обо-

жжешься, перепачкаешь кучу посуды, которую потом отмывать тебе же придется. А все ради чего? Чтобы плоды твоих усердных трудов съели за несколько минут! И, скорее всего, тебя даже не поблагодарят за это, а воспримут все как должное! Поэтому когда я увидела, что мое любовно выпеченное печенье, на создание которого было потрачено целое утро, пожирает некая нахальная девица, то, естественно, не смогла сдержаться!

И Ульрика шумно задышала, словно пытаюсь сдержать слезы. Любой другой на моем месте устыдился бы от столь проникновенной речи и вряд ли бы стал продолжать неудобную тему. Но я слишком хорошо знала фею, чтобы поверить ее прочувственной тираде.

– Ты была в курсе, что я гостя Арчера, – парировала я. – Сама столько раз хвасталась, что никто и ничто не в силах укрыться от внимания феи в доме, где она живет. Следовательно, ты видела, как он привел меня. Точнее, принес, если уж быть точными, поскольку я была без сознания. И слышала, как он разрешил мне позавтракать.

– Ну... да, – неохотно подтвердила Ульрика. – Я знала. Но все равно желала тебя проучить. И потом, с самого начала надо было продемонстрировать, кто является истинной хозяйкой в этом доме. Но ты не волнуйся и не злись так. Я понимала, что Арчер успеет прийти к тебе на помощь, потому и поступила так.

Я со свистом втянула воздух, не позволив себе сорваться на крик. Ульрике повезло, что она сейчас невидимая! А то я бы поймала ее и знатно потрепала бы за крылья. Сдается, я все лучше и лучше понимаю Ульеров, которые некогда приговорили хранительницу своего рода к смерти. Жалко, что Арчер вмешался и не дал свершиться правосудию.

– В общем, не волнуйтесь за стражника, – поспешила добавить Ульрика. – Он в полном порядке, честное слово!

– Рад слышать, – обронил Седрик, который очень внимательно слушал наш разговор и, по всей видимости, сделал определенные выводы.

Дальше мы шли молча. Я булькала от злости, то сжимая, то разжимая кулаки и в сотый раз прокручивая в уме разговор.

Очередной порыв ветра вдруг принес запах близкого жилья. Пахнуло печным дымом, где-то неподалеку раздалось лошадиное ржание.

Я тяжело вздохнула. По всей видимости, мы приближаемся к конечной цели нашего путешествия. И вот-вот я узнаю, какое наказание для меня приберег господин королевский дознаватель. Правда, если бы он собирался меня уволить, то вряд ли бы тащил за собой в такую даль. Сообщил бы сразу, что в моих услугах больше не нуждается, – и дело с концом.

«А что, если он желает передать тебя в руки своим коллегам? – мрачно прошептал внутренний голос. – Вполне может статься, что только что ты своим ходом вышла к городским воротам, где уже поджидает бравый охотник, должный сопроводить тебя в королевский зверинец».

Однако это было не так. Я не успела испугаться или насторожиться, как мы наконец-то выбрались из чащобы. Крохотный шар пламени, все это время летящий над головой Седрика и освещающий нам путь, круто взмыл вверх, а затем и вовсе с тихим хлопком исчез. И я увидела совсем рядом темную громаду какого-то дома, чьи окна едва заметно светились.

– Постоялый двор «Подкова», – проговорил Седрик, не дожидаясь наших вопросов. – Полагаю, перед поездкой нам будет нелишним хорошенько подкрепиться. Как раз рассветет. А потом отправимся в путь на лошадях, которые, кстати, тоже ждут нас здесь. Конечно, нужная нам деревня находится не так уж далеко от Ериона, но удовольствие то еще: несколько часов месить грязь под дождем. По такой раскисшей дороге мы туда быстро не доберемся.

– Нас тут ждут лошади? – переспросила я, чувствуя, как мои брови сами собой поднимаются. – Всех нас?

Седрик не стал отвечать. Лишь как-то загадочно ухмыльнулся и первым взбежал по шатким ступеням крыльца. За ним последовала и я. Замыкал своеобразное шествие Фрей, который

пару раз вполголоса от души выругался, поскольку видел в темноте хуже остальных и потому измерил своими сапогами глубину всех встреченных по дороге луж. Ульрика, как и прежде, предпочла остаться невидимой.

Оказалось, что на постоялом дворе были осведомлены о нашем визите. По крайней мере, Седрику не пришлось долго барабанить в дверь, приказывая нас впустить. После первого же удара она распахнулась, и встрепанная, но достаточно приветливая для столь позднего часа служанка провела нас в общий зал, где один из столов был освещен парочкой свечных огарков.

– Есть, пить? – спросила она, прежде сцедив зевок в кулак.

– И то и другое, – ответил за всех Седрик.

– Брага, самогон, домашнее пиво, молоко. Яичница, тушеная капуста, кровяная колбаса, каша, – на одном дыхании выпалила скромное меню женщина, очередным зевком едва не разорвав себе рот.

– Три яичницы, три молока, – опять-таки на правах начальника сделал заказ за всех Седрик, хотя я заметила, как Фрей при этом недовольно скривился, явно желая чего-то другого.

– Колбасы и браги, – свистящим шепотом потребовала мне на ухо Ульрика, о которой Седрик то ли случайно, то ли намеренно забыл.

Я резко мотнула головой и с подлой радостью почувствовала, как угодила во что-то мягкое. Раздался приглушенный вскрик и глухой шмяк где-то в стороне. Видимо, Ульрика отлетела к стене, о которую, к моему глубочайшему удовлетворению, и ударилась.

– А? – Служанка удивленно округлила глаза, явно не понимая, что это было.

– Еще колбасу, – поспешил вступить в разговор Фрей. Подумал немного и исправился: – Точнее, две колбасы. Нет, лучше три! И брагу. Кружку. Нет, две.

– А лучше три, – понятиливо закончила за него служанка и покачала головой, сочтя Фрея виновником недавнего шума. – Ты это, парень... В следующий раз не так горячо реагируй. Люди спят все-таки.

Фрея хватило ума не отрицать свою мнимую вину. Он покаянно склонил голову, и служанка поспешила на кухню, откуда через несколько минут послышалось звяканье посуды.

Седрик тем временем уже уселся, выудил из глубин неизменного сюртука носовой платок и принялся придирчиво протирать столешницу, даже не пытаясь скрыть недовольного выражения на лице.

Это, кстати, была еще одна черта характера, которая меня очень удивляла в некроманте. Вроде бы при его профессии как-то глупо быть брезгливым. Но Седрик часто поражал меня своей щепетильностью в вопросах чистоты, которая порой доходила до самой настоящей мании. И почему-то мне казалось, что разгадка этого опять-таки кроется в его прошлом. Словно некогда он совершил какую-то промашку, проявил недопустимую беспечность в подобного рода вопросах и до сих пор не может себе этого простить. Правда, мое воображение пасовало, когда я пыталась придумать подходящую ситуацию. Неужто Седрик умудрился явиться на любовное свидание, перепачканный могильной землей? Или догадался притащить с собой какой-нибудь особенно омерзительный ингредиент, необходимый для создания ритуального круга? Впрочем, нет, не желаю думать на эту тему! Мурашки по коже бегут от подобных размышлений!

Оттерев со стола несколько особенно липких и противных на вид пятен, Седрик удовлетворенно вздохнул и выкинул носовой платок куда-то в угол. После чего, уже не боясь испачкаться, положил перед собой локти, удобно переплел пальцы и расположил на них свой подбородок, впев в меня свой жуткий немигающий взор.

Пламя ближайшей свечи отражалось в глубине его глаз крохотными ярко-алыми огоньками. И от этого мне было особенно непросто выдержать его взгляд.

Но некромант не спешил начинать непростой и неприятный разговор. Он дождался, когда служанка принесет заказ, после чего милостиво кивнул ей и сухо обронил:

– Можете идти. Дальше мы справимся сами.

Служанка, продолжающая отчаянно зевать и тереть глаза, не стала возражать. Она с такой скоростью развернулась и ринулась прочь, что подол ее скромного платья от поднятого ветра самым неприличным образом задрался, дав всем присутствующим возможность увидеть огромные дыры на толстых шерстяных чулках женщины.

Лишь после этого Седрик прищелкнул пальцами, и наш стол окутало легчайшее зеленоватое марево какого-то заклинания.

– Защита от любопытных глаз и ушей, – буркнул он себе под нос, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

– Отлично! – по непонятной причине возликовал Фрей и запустил ручищу себе за пазуху, откуда через пару мгновений выудил Мышку.

Собака, видимо, крепко спала, пригревшись на груди своего хозяина. Потревоженная, она недовольно заворчала, затем уткнула свой нос в колени Фрея и опять затихла.

– Я же просила тебя не брать это чудище с собой! – возмутилась Ульрика, появляясь на дальнем от меня краю стола.

Ишь, какая предусмотрительная! Догадывается, что после недавних откровений ей лучше держаться подальше от меня.

– Но на кого бы я ее оставил? – простодушно удивился Фрей. – Мало ли что могло случиться. Нет уж, пусть лучше со мной будет!

Ульрика фыркнула себе под нос что-то неразборчиво-ругательное. Я уловила лишь насмешливое «глупая наседка», явно относящееся к Фрею.

– А теперь все замолчали! – негромко приказал Седрик.

Удивительное дело, он не кричал и не брызгал гневно слюной. Но тем не менее немедленно воцарилась тишина. Даже Ульрика заметно изменилась в лице и замерцала, видимо, готовая в случае чего вновь спрятаться за пеленой невидимости.

– Ну и как вы объясните ту сцену, свидетелем которой я недавно стал? – спросил Седрик, глядя на меня и таким образом показывая, что адресует свой вопрос в первую очередь именно мне.

Колбаса, которую я только что откусила, немедленно встала мне поперек горла. Я откашлялась, после чего хрипло призналась:

– Я собиралась отправиться в деревню Аталиен и на месте разобраться, что там происходит.

– Отправиться пешком? – насмешливо уточнил Седрик, и я почувствовала, как кончики моих ушей начали предательски пламенеть.

Да, это мой просчет. Про лошадей я как-то не подумала. Но с другой стороны, а что такого невыполнимого? Не на другом же конце королевства находится эта несчастная деревушка! Добралась бы. А то, глядишь, добрый человек по пути попался и подбросил бы на своей телеге.

«Угу, знаем мы этих добрых людей, – не утерпев, влез со своим замечанием глас моего рассудка. – Скорее, тебя бы до ближайших кустов подбросили, где сама знаешь, что попытались бы сделать. Приличной девушке не пристало в одиночку шляться по проселочным дорогам».

Я лишь слабо хмыкнула в ответ на это замечание. Ну и что? Мои способности арахнии гарантируют мне безопасность.

«Не будь слишком самоуверенной, – фыркнул внутренний голос. – Помнится, твой знакомый Эдриан уже поплатился за это свободой, а возможно, скоро поплатится и жизнью, вынужденный отвечать за преступления другого человека. Как говорится, на каждую нечисть найдется свой охотник. Тем более что ты лишь недавно обрела тень и сама толком не знаешь, что с ней делать».

– Так вы собирались отправиться пешком? – настойчиво повторил Седрик, когда пауза чрезмерно затянулась.

– А что в этом такого? – невежливо вопросом на вопрос ответила я. – Вы же сами утверждали, что эта самая треклятая деревушка недалеко от Ериона.

– Должно быть, вы знаете, в какой стороне она расположена, – скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил Седрик.

Теперь краска стыда и смущения переползла с ушей на щеки. Я точно знала, что еще минута или две – и все мое лицо невыносимо запылает.

– Ну? – подбодрил меня с ответом Седрик. – Так вы знаете, куда нам надлежит держать путь?

– Я намеревалась спросить об этом, – чуть слышно выдавила я. – У какого-нибудь крестьянина или путника.

«Вероятность, что ты бы закончила свое путешествие в ближайших кустах растет буквально-таки с угрожающей скоростью», – естественно, не упустил шанса на новый язвительный намек мой внутренний голос.

Седрик больше ни о чем не стал меня спрашивать. Он лишь покачал головой и издал сухой саркастический смешок.

– Вы не понимаете! – не утерпев, попыталась я объяснить свой донельзя глупый поступок. – Я не могла сиднем сидеть в вашем доме и сходить с ума от неизвестности! Речь идет о Моргане! Я так много должна ему сказать! Я должна, просто-таки обязана его найти!

Седрик глубоко вздохнул в ответ на мой отчаянный выкрик. Его губы как-то странно дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но в последний момент удержался от этого. А на самом дне его зрачков замерцал отблеск чувства, более всего похожего на зависть.

– Теперь я понимаю, каким образом вам удалось проникнуть в замок рода Ульер, – проговорил он с легкой усмешкой. – Энергии вам действительно не занимать. Удивительно все-таки, что драконье гнездо не оказалось разрушено до основания.

– Если бы Мика погостила там еще денек, то не сомневаюсь, что это произошло бы, – хихикнула Ульрика.

– Даже немного досадно, что на моем жизненном пути мне еще не встретилась девушка, которая бы так отчаянно сражалась за меня, – после короткой заминки все-таки добавил Седрик, не глядя ни на кого из нас.

За столом после этого повисла неловкая пауза. Я смотрела на некроманта во все глаза, силясь разгадать, что же за любовная трагедия случилась в его прошлом. А теперь я не сомневалась, что она все-таки произошла. Все эти намеки, непонятные смешки, более напоминающие сдавленные рыдания... Эх, жаль, что эту тайну мне вряд ли удастся раскрыть.

– Что дальше? – наконец осмелилась я прервать затянувшееся молчание и вся выпрямилась в ожидании ответа.

– Что дальше? – переспросил Седрик и пожал плечами. – Я бы мог, конечно, отправить вас домой. Мог бы даже рассчитать вас, заявив, что недоволен вашими услугами как личной помощницы. Но сомневаюсь, что вы бы послушались меня. А в последнем случае так точно сразу же со всех ног рванули бы в эту несчастную деревушку. Боюсь, вы бы не оставили там и камня на камне, разыскивая Моргана. Я предпочитаю вашу кипучую энергию держать хоть под каким-то подобием контроля. Поэтому вы едете со мной.

Я с трудом удержалась, чтобы не запрыгать от радости на месте и не захлопать в ладоши. Ура!

– А мы? – робко пискнул Фрей.

Седрик скорчил красноречивую недовольную мину, глядя не на него, а на Ульрику, которая под шумок усердно наворачивала уже вторую порцию яичницы и, по-моему, допивала третью кружку браги, пользуясь тем, что о заказе все забыли, увлеченные разговором.

– Против тебя у меня нет никаких возражений, – процедил Седрик, очень нехорошо уставившись на беззаботную фею. – Но ведь тогда придется брать с собой и Ульрику... Мне даже страшно представить, что она способна натворить, если примется хозяйничать в моем доме без присмотра.

– А? – Ульрика, осознав, что речь идет о ней, оторвалась от тарелки и бесцеремонно вытерла жирные ладони о только что протертый стол, после чего отхлебнула из кружки браги, сочно рыгнула и снисходительно заверила передернувшегося от отвращения некроманта: – Не беспокойся... точнее, не беспокойтесь, господин хороший. Все будет отлично! Я буду вести себя тише травы, ниже воды!

– Наоборот, – не утерпев, исправил ее Фрей. – Правильно говорить: ниже травы, тише воды.

– Да без разницы! – Ульрика пожала плечами и вновь препротивно рыгнула. Осоловело улыбнулась и воскликнула, обращаясь ко всем разом: – Клянусь пылью со своих крыльев, я вам пригожусь! Вы не пожалеете, что взяли меня с собой!

– Я уже жалею, – буркнул Седрик, тем самым полностью выразив мои мысли по этому поводу. Затем продолжил: – И еще одно. Я бы не хотел, чтобы вся деревня была в курсе, кто я и зачем приехал. По крайней мере, в первое время. Не сомневаюсь, что у этого самого Дани, если это его настоящее имя, должны быть свои люди в деревне, передающие ему новости. А скорее, даже любовница, а то и не одна, учитывая его популярность среди женского пола. Поэтому давайте договоримся: никаких выканий. И никакого «господина королевского дознавателя». Я буду...

Некромант замолчал и усердно принялся чесать в затылке, видимо, силясь придумать достоверное объяснение нашего появления в деревне.

– Моим женихом, – неожиданно предложила я.

– Как, еще одним? – Ульрика, которая как раз допивала очередную кружку, пьяно икнула и уронила ее на стол. Благо та не разбилась, лишь покатилась, оставляя после себя пенный белый след. А фея продолжила, вся замерцав от возмущения и, по-моему, даже немного протрезвев: – Мика, а тебе не кажется, что твоих женихов преследует злой рок? То Арчер им был, и закончилось все гибелью патриарха рода Ульер. Хорошо хоть замок не рухнул. Потом ты Моргану глазки строить начала. И бедняга исчез в неизвестном направлении, по всей видимости, в сопровождении самого настоящего черного дракона-убийцы. На месте господи... Седрика я бы всерьез задумалась, стоит ли примерять на себя подобную роль.

– Я же не предлагаю ему стать моим женихом на самом деле! – огрызнулась я, чувствуя, как мое лицо вновь начинает гореть от смущения. – Седрик сам сказал, что нам надо придумать достоверную причину, по которой наша славная компания появилась в деревне. Вот я и предлагаю. Он назовется моим женихом. Фрей будет якобы моим братом. Это объяснит то, почему девушка путешествует в сопровождении двух молодых мужчин. Скажем, что ищем для нашей будущей семьи спокойное место, где можно было бы осесть и завести хозяйство. Мол, наши родители были против свадьбы, вот и пришлось уехать, а Фрей как любящий брат решил удостовериться, что Седрик не воспользуется моей благосклонностью до брака, после чего бросит, так и не совершив свадебного ритуала. И он вернется домой, как только убедится, что мы зажили семейной счастливой жизнью.

– Складно, – согласился Седрик. – Но не встревожится ли Дани, опознав в нашей компании бывших спутников Моргана?

– А откуда ему знать, кто именно сопровождал Моргана в столицу? – вопросом на вопрос ответила я. – Если только он сам расскажет ему об этом. Но тогда получается, что Морган – не пленник. А такого быть не может, потому что тогда он бы обязательно дал о себе знать.

– Но Дани видел тебя, – возразил Седрик. – А у тебя, уж извини, внешность весьма примечательная. Нечасто встретишь рыжеволосых зеленоглазых красавиц.

Я польщенно улыбнулась. Надо же, суровый королевский дознаватель считает меня красавицей! А по его прежнему обращению со мной и не скажешь. Но Седрик прав. С этим что-то надо делать!

– Это как раз не проблема, – вдруг подала голос Ульрика. Внезапно взмыла в воздух и зависла над моей головой, усердно посыпая меня пылью со своих крылышек.

– Эй, ты что творишь! – возмутилась я и принялась размахивать руками. – Кыш, кыш, крылатая! А не то Мышку на тебя натравлю!

Мышка, которая очень давно не получала нормальной, в ее понимании, еды, заинтересованно подняла голову и хищно облизнулась, словно невзначай продемонстрировав хоть и небольшие, но острые клыки.

– Да подожди ты! – осадил меня Седрик. – Сдается, я понимаю, что Ульрика делает. Помнишь, она сказала, что ее пыльца связана с магией иллюзий? Так вот, не поверишь, но ты прямо на глазах преображаешься!

Не могу сказать, что слова некроманта меня успокоили. Наоборот, я вся замерла в тревожном ожидании. Ой, знаю я характер Ульрики и ее любовь к злым шуточкам! К тому же наши отношения в настоящий момент далеки от дружеских. Боюсь, сделает она из меня чучело настоящее.

Но было уже поздно. Ульрика напоследок кинула в меня целый ворох пылицы, после чего торопливо взмыла под самый потолок, чем породила во мне множество дурных предчувствий.

– Ну вот и все, – прокричала она сверху. – Правда, я умница?

Всеобщее ошеломленное молчание было ей ответом. Фрей смотрел на меня, выпучив глаза и некрасиво раззявив рот. Седрик выказывал свое удивление не так открыто, но все равно не мог отвести от меня взгляда. Вот только восхищения я ни в первом, ни во втором случае не замечала. Скорее, они глазели на меня с плохо скрытым отвращением.

– И что мне отвечать, когда будут спрашивать, с чего вдруг я решил жениться на такой... такой... – Некромант замялся, не в силах подобрать достойного определения моей внешности, чтобы при этом не обидеть. Потом просто махнул рукой, предлагая нам самостоятельно домыслить окончание фразы.

– Зато не придется объяснять, почему родители были против свадьбы, – жизнерадостно заявила Ульрика. – Твои, Седрик, пришли в ужас, что столь симпатичный молодой человек выбрал себе в спутницы жизни настоящую страшилку. Ну а ваши, Фрей и Мика, решили, будто бы жених польстился на деньги семьи. А иначе как объяснить столь непонятный выбор?

– Вот именно, – буркнул Седрик. – И как же мне объяснить столь непонятный выбор?

– Любовь зла. – Ульрика ехидно ухмыльнулась. – Полюбишь и такое. Хотя, полагаю, большинство все же решит, что ты польстился на деньги семьи. Зато никто не удивится, что ты не будешь проявлять нежностей к своей вроде как будущей невесте. Я не говорю, конечно, о совместной постели, поскольку этого не должен по нашей придумке допустить Фрей. Но всякие там поцелуи, объятия вроде как до свадьбы не возбраняются. – Подумала немного, пожевав губами, после чего полюбопытствовала: – Или же ты намеревался воспользоваться случаем и оказать Мике все эти признаки внимания?

– Нет! – гневно и, на мой взгляд, слишком поспешно воскликнул Седрик. – Конечно же, нет! У меня и в мыслях такого не было.

– Ну и славненько. – Ульрика закружилась в воздухе, выражая таким образом крайнюю степень восторга. – Значит, все вопросы разрешились к общему удовлетворению.

– Дайте мне зеркало! – мрачно потребовала я, по вполне понятным причинам не разделив ее энтузиазма. – Я хочу видеть, что за страхолюдину ты из меня сделала.

– А может, не стоит? – спросила Ульрика, подозрительно резко перестав радоваться. – Зачем тебе зеркало? Да и потом, какая разница, как ты сейчас выглядишь! Самое главное, что ты знаешь: это все – иллюзия! Кстати, и об иллюзиях. Заодно предупрежу тебя, чтобы

в ближайшие дни ты держалась подальше от воды. Никаких умываний, никаких прогулок под дождем без шляпы.

– Почему? – поинтересовалась я, несколько сбита с толку столь резким поворотом темы.

– Вода смывает чары фей. – Ульрика пожала плечами. – Она растворяет пыльцу, на которой завязано мое заклинание.

Я думала, что сильнее испортить мне настроение было уже нельзя. Так вот, я ошибалась! Н-да, я теперь не просто страшила, я неумытая страшила! Ну Ульрика, ну удружила! Навек запомню. Хотя, что скрывать очевидное, копилка моих претензий к фее давным-давно переполнилась и без этого.

– В любом случае я не думаю, что наше путешествие займет много времени, – поторопился утешить меня Седрик, заметив, как я обиженно насупилась. – День, максимум, два. Вряд ли за это время вы... ты сильно испачкаешься.

– И потом, грязь – не сало, потер – и отстало! – поддержал его Фрей и сам же рассмеялся над своей шуткой.

– Зеркало, – повторила я свою недавнюю просьбу. – Дайте мне зеркало!

Некромант покачал головой и прищелкнул пальцами. Тотчас же воздух передо мной засебрил, густея на глазах, а потом и вовсе застыл. Это не было зеркалом в обычном понимании слова. Отражение то и дело плыло, причудливо искажаясь. Но все же я получила представление о том, как отныне выгляжу. Стоит ли говорить, что увиденное меня отнюдь не обрадовало?

Надо признать, Ульрика постаралась на славу, уродуя мою внешность. Так густые рыжие волосы она превратила в какой-то крысиный хвостик неопределенного пегого цвета. Более того, на макушке у меня просвечивало нечто, более всего напоминающее недавно появившуюся и неуклонно растущую лысину. Мои глаза теперь превратились в две заплывшие щелочки, нос стал настоящим пяточком, а губы, напротив, раздуло так, будто их покусала оса. Ах да, одну щеку «украшало» огромное родимое пятно, из которого кое-где торчали длинные жесткие волосы.

– Тьфу! – в сердцах сплюнула я, со всех сторон изучив свой новый облик. – Как любил говаривать мой отец, ночью увидишь – трусами недельной носки не отмахнешься.

За столом после моей скабрёзности воцарилась тишина. Первой ее нарушил Фрей. Приятель сначала забулькал, потом уронил голову на руки и захохотал, да так, что некромант, сам безуспешно пытающийся сдержать улыбку, шикнул на него и многозначительно приложил палец к губам, призывая к тишине. К этому моменту заклинание, окутывающее наш столик и защищающее постояльцев от производимого нами шума, почти сошло на нет.

– И часто твой отец по неделям носил трусы? – брезгливо осведомилась Ульрика.

Я попыталась испепелить фею взглядом, не снисходя до оправданий, что это расхожее в наших краях выражение. Понятия не имею, кто его первым и в какой ситуации применил.

– Пожалуй, прав был Арчер, когда предпочел тебе другую, – не унималась Ульрика. – Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Кто знает, как часто ты меняешь нижнее белье.

Поразительно, но я смолчала и на этот раз. Воистину, сегодня мое терпение было просто-таки безграничным. Ну а список обид, который я намеревалась рано или поздно предъявить фее к оплате, пополнился еще одним пунктом.

– И вообще... – Ульрика явно не собиралась успокаиваться, торопясь выплеснуть на меня весь свой яд.

Однако договорить она не успела. В этот момент Седрик кашлянул и тихо, но внятно проговорил:

– Достаточно.

Я всегда поражалась тому, какой властью Седрик обладал над феей. Подобным мог похвастаться, пожалуй, только Диритос Легендарный, ее создатель, и отчасти нейн Ильрис, нынеш-

ний патриарх рода Ульер. Ни Арчера, ни Моргана она не боялась и не слушалась так беспрекословно, как некроманта. Вот и теперь Ульрика споткнулась на полуслове и мгновенно замолчала, на всякий случай поднявшись повыше в воздух.

– Хватит, – чуть мягче продолжил Седрик. – Рассвет уже близко. Предлагаю оставить плату за ужин и заботу о лошадях и отправиться в путь, дабы не вызвать ненужный интерес у постояльцев.

Оставался только один крохотный вопрос, который я очень хотела прояснить для себя. И я поспешила воспользоваться секундной паузой, чтобы его задать.

– Вы... – На сей раз я сделала оговорку, но тут же исправилась: – Ты постоянно говоришь о лошадях, которые нас тут ждут. Но тебе необходимо было время, чтобы забрать их из королевских конюшен и доставить сюда. Получается, ты с самого начала знал, что я проигнорирую твой запрет покидать дом и вмешуюсь в это дело. Верно?

– Естественно, – подтвердил Седрик, и мягкая насмешка засветилась в его серо-зеленых глазах. – Я знал, что ты наплюешь на все мои доводы, едва только услышишь о Моргане. И понимал, что остальные обязательно последуют за тобой. Иначе и быть не могло, не правда ли? Фрей просто не сможет тебя отпустить, поскольку относится к тебе как к младшей сестренке. Ну а Ульрика себе все локти искушает, если такое веселье пройдет без ее участия.

– А разве можно укунить себя за локоть? – простодушно удивилась фея и немедленно попыталась это проверить.

Неполную минуту она кружилась под потолком подобно обезумевшему светляку, но на ее уже никто не обращал внимания. Седрик положил на стол несколько медяков, и я про себя скептически хмыкнула, увидев, что он, как и обычно, впрочем, проявил скупость, заплатив ровно столько, сколько требовалось, не дав ни гроша сверх. А ведь служанке из-за нас пришлось пожертвовать несколькими часами ночного сна.

Впрочем, недостатки господина королевского дознавателя по особо важным делам меня не касались. Со своими бы проблемами разобраться, как говорится.

* * *

К тому моменту, как мы покинули сонное тепло погруженного в тишину постоянного двора, морось, сыпавшая с неба, прекратилась. Разъяснялось. В прорехах быстро летящих туч все чаще показывалось предрассветное небо с бледнеющими звездами. И я весьма обрадовалась этому обстоятельству, поскольку помнила предупреждение Ульрики о том, что мне не следует мочить лицо. Значит, не надо будет вздрагивать от каждого порыва ветра, боясь, что он принесет под низко надвинутый капюшон куртки капли холодного дождя.

Мой ленивый мерин, которого я некогда купила в Литлтоне, собираясь отправиться в драконий замок на выручку Арчеру, отнюдь не обрадовался, когда меня увидел. Наоборот, бедное животное издало тонкое печальное ржание, прекрасно понимая, что отпуск в теплых конюшнях, где его неплохо кормили, подошел к концу, и теперь придется отрабатывать долгий отдых.

Теперь Эдриан не мог помочь мне залезть в седло. Но мне больше и не требовался наставник по науке обращения с лошадьми. За время моих странствий по Прерисии я неплохо научилась держаться верхом и уже давно не путала, с какой стороны надлежит подходить к лошади. И тем самым очень разочаровала Ульрику, которая с нескрываемым предвкушением смотрела на меня, должно быть, надеясь, что я в очередной раз стану посмешищем в глазах друзей.

Густые чернила ночи бледнели, словно в крепкий черный кофе медленной струйкой вливали сливки, когда мы выдвинулись с постоянного двора. Восточный край небес пламенел всеми оттенками красного, предвещая скорый рассвет. Однако дорога, пролегающая большей частью

под сенью деревьев, все еще была погружена во тьму. Поэтому над головой Седрика, ехавшего впереди, летел шар пламени, освещающий путь для наших лошадей.

Монотонный шаг моего мерина убаюкивал. Я с трудом держала слипающиеся глаза открытыми. В принципе, неудивительно: после такой-то ночи, наполненной треволнениями и беготней! Впрочем, я уже очень давно не спала в свое удовольствие, измученная тревогой за Моргана.

– Ой! – вдруг воскликнула Ульрика и взмыла в воздух с плеча Фрея, на котором вальяжно расположилась.

В ее вскрике послышался такой нескрываемый ужас, что это мгновенно согнало с меня сонное оцепенение. Фрей и Седрик тоже насторожились, прежде обменявшись недоуменными взглядами, и я заметила, как пальцы правой руки некроманта окутались зловещим алым сиянием какого-то заклинания, готового сорваться в недолгий смертоносный полет.

– Что? – отрывисто спросил Седрик. – Что случилось?

– Драконы! – выдохнула Ульрика, тыча пальцем куда-то в небо.

Я проследила за ее жестом взглядом и пожала плечами. О каких драконах она толкует? Небо как небо. Надо признать, рассвет сегодня воистину прекрасный! Давненько я не видела таких нежных переливов розового.

– Смотрите внимательнее! – зло приказала Ульрика, поняв, что никто из нас не замечает ничего странного. – Это завеса иллюзий, но вы способны проникнуть через нее. Ты, Фрей, потому что между нами все еще есть связь. Ты, Мика, потому что сама несешь на себе мои чары. Ну а ты, Седрик, как-никак, королевский дознаватель. Да не просто дознаватель, а по особо важным делам. Или не способен разгадать простейший фокус?

Седрик поморщился, явно раздраженный сомнением в его магических способностях. Прищурился и вдруг восторженно ахнул.

– О всемогущие боги! – пробормотал Фрей, тоже глаза куда-то вверх. – Никогда не думал, что это настолько красиво... и пугающе.

Я с обидой поджала губы и, в свою очередь, устремила взгляд в быстро светлеющие небеса. Это что же получается: мои друзья уже все увидели, а я не способна на это, что ли? Несправедливо! И я с таким вниманием уставилась прямо на встающее солнце, что мои глаза заслезились от напряжения.

И вот когда я уже готова была признать свое поражение, картина неба вдруг исказилась передо мной. Словно кто-то провел кистью по еще влажному холсту, смешивая краски. И я увидела на горизонте огромную крылатую тень, слишком большую, чтобы она могла принадлежать птице.

– Еще одна, – внезапно проговорил Седрик. – Ого, и еще одна!

С замиранием сердца я наблюдала, как рядом с первой тенью вдруг возникли две другие.

Три дракона парили в рассветном небе над Прерисией. Три черных дракона, каждый из которых был способен своим дыханием спалить целый город. И это не означало ничего хорошего для нас.

Часть вторая

Постоялый двор «Драконий замок»

Взбудораженные картиной полета черных драконов, мы не торопились, поэтому прибыли в деревушку Аталиен лишь после обеда. Мы почти не обсуждали увиденное. Это было ни к чему. Каждый из нас прекрасно понимал, что появление в столь опасной близости от столицы черных драконов, скорее всего, несет крупные проблемы для всех нас.

Черные драконы! Я покачала головой, чувствуя, как по коже пробежали ледяные мурашки страха, смешанного с непонятным восторгом. Нельзя было не признать, что полет этих созданий завораживал. Они словно танцевали в небе, с гордостью демонстрируя всем способным увидеть свою смертоносную мощь. Разве в состоянии человек что-нибудь противопоставить этой убийственной красоте? Конечно, нет! Черные драконы – это идеальные создания для убийств. Они почти неуязвимы для магии, их чешую нельзя пробить стрелами или копьями. Демоны, да один дракон с легкостью сотрет Ерион с лика земли, уничтожит его до основания. А мы видели целых трех драконов! Но почему они свили гнездо так близко от столицы? Во все времена драконы предпочитали держаться подальше от людей. И не потому, что опасались их. Нет, скорее всего, драконы считали нас чем-то вроде надоедливой мелкой мошкары. Зачем тратить время на борьбу с комарами, если намного проще выбрать себе для жилья место посуше, где их просто не водится.

К тому же я никак не могла забыть рассказ сьера Густаво, утверждающего, что Дани был одним из черных драконов. Тогда получается, что они такие же сумеречные создания, прячущие свою истинную сущность в тенях, но не утратившие способность к настоящему преображению, как драконы сумеречные.

Я покачала головой, чувствуя, что совершенно запуталась во всех этих размышлениях и предположениях. Одно совершенно ясно: от черных драконов надлежит держаться еще дальше, чем от сумеречных. А мы между тем едем именно туда, где рискуем встретиться с целым драконьим семейством.

«Интересно, что бы на это сказал Эдриан? – неожиданно подумала я. – Наверное, опять бы назвал меня манком для драконов».

От воспоминаний о бывшем друге я совсем загрустила. Благо что в этот момент наша троица как раз остановилась около постоялого двора, наконец-то достигнув цели нашего путешествия.

Я машинально мазнула взглядом по покосившейся вывеске. Она представляла собой почерневшую от времени и грязи доску, на которой было криво написано: «Драконий замок». Неведомый создатель даже попытался изобразить этот замок, но в итоге у него получился какой-то кривой и косой домишко. Более всего меня умилило то, что рядом с этим так называемым замком почему-то паслась корова. Причем корова оказалась нарисована куда тщательнее прочего.

– Символично, – пробормотал Седрик, тоже заинтересовавшись названием трактира.

– «Драконий замок», – вслух прочитал Фрей. Удивленно покачал головой, оглядев небольшое приземистое здание в два этажа высотой. Как это часто бывает, на первом, должно быть, располагалась кухня, обеденный зал, подсобные и хозяйские помещения, а на втором – комнаты для постояльцев.

– Мечтать не вредно, – сказала я, пытаясь таким образом оправдать незнакомого мне пока владельца постоялого двора. – А для кого-то и такой дом – замок.

– А как по мне, так это оскорбление! – гневно фыркнула невидимая Ульрика. – Самое настоящее оскорбление! Неужели эти жалкие людишки думают, что драконы могут жить в таком свинарнике?!

Продолжить разговор нам не удалось. В этот момент на крыльце показалась светловолосая прехорошенькая девушка, чье прелестное личико изрядно портил синяк под левым глазом. По всей видимости, он был получен несколько дней назад, поскольку уже утратил свою угрожающую синеву и начал желтеть.

– Ой, а вы к нам? – простодушно спросила она, вытирая руки передником. Поежилась от очередного порыва ветра, глядя на Седрика огромными наивными глазами синего цвета.

– Дай-ка угадаю, именно она послужила причиной драки, описанной в докладе Роя? – шепнула мне на ухо Ульрика.

Я вздрогнула от неожиданности, поскольку не слышала, как она перебралась с плеча Фрея ко мне поближе. Несколько раз резко взмахнула рукой, питая слабую надежду, что попаду по ней, но фея так же торопливо поспешила убраться прочь. Зато мои судорожные движения увидела служанка и удивленно округлила глаза.

– Замерзла-то как! – громко пожаловалась я, поняв, что надлежит как-нибудь объяснить свои действия, пока у меня не заподозрили какого-нибудь припадка.

– Тогда прошу пожаловать внутрь! – приветливо и удивительно грамотно для обычной девицы на подхвате, которых держат в подобных заведениях, пригласила она. – Я как раз плитку растапливаю к ужину. Пока обогреетесь, умоетесь – и еда будет готова.

Седрик спешился первым. Шагнул было к крыльцу, но затем вспомнил, что должен играть роль моего жениха, поэтому вернулся и протянул ко мне руки.

– Ты чего это? – зашипела я, не сразу поняв, что это значит.

– Любимая, позволь, я помогу тебе слезть с лошади! – громогласно проговорил он, при этом косясь на служанку – услышала ли та и оценила ли его заботу по отношению ко мне.

– Поменьше патетики, переигрываешь, – фыркнула невидимая Ульрика, крутящаяся где-то рядом со мной.

Я опять принялась размахивать руками, желая врезать противному созданию, но почти сразу уловила изумленный взгляд служанки и усилием воли заставила себя прекратить. Ладно, потом разберусь с этой вредностью. А то эдак меня точно в припадочные запишут.

– Конечно, милый, – так же громко ответила я и тоже протянула к Седрику руки.

Беда была в том, что от этого движения у меня с головы свалился капюшон, и я предстала перед окружающими во всей своей, так сказать, новоприобретенной красе.

Седрик, видимо, за поездку успел забыть, в какое страшилище меня превратила Ульрика. Он резко переменился в лице и отшатнулся, едва не ударившись в постыдное бегство. Хорошо хоть от неожиданности какими-нибудь чарами в меня не вlepил. Но, стоит отдать ему должное, почти сразу вернулся на прежнее место и вновь растянул губы в улыбке. Правда, на сей раз это более напоминало гримасу боли.

– О небо! – услышала я прочувственное восклицание от служанки. Краем глаза заметила, как она обе руки прижала ко рту, явно удерживаясь от какого-нибудь выражения поострее и пообиднее.

Тем временем Седрик очень осторожно, как будто опасаясь, что я могу укусить его, положил руки на мою талию и снял меня с лошади. При этом он старательно избегал лишний раз смотреть мне в лицо.

– Не забывай, что ты страстно влюблен, – почти не шевеля губами, напомнила я. – При чем так влюблен, что даже пошел против воли родителей. Поэтому побольше радостных эмоций, милый!

В последнее слово я вложила как можно больше сарказма. Затем подумала и прощептала:

– Спасибо за помощь, любимый!

И самым подлым образом потянулась губами к щеке некроманта, желая отблагодарить его целомудренным поцелуем. А что в этом такого? В конце концов, жених он мне или кто?

Седрик побледнел, точнее, даже посерел, поскольку и без того не отличался особым румянцем. Кровь так стремительно отхлынула от его лица, что я невольно забеспокоилась, не перегнула ли палку в своем представлении. А то еще, не приведи небо, рухнет в обморок. И что мне тогда делать с бесчувственным женихом на руках? Хорошо хоть Фрей рядом. Есть кому помочь в случае чего.

Однако некромант и в этот раз проявил чудеса выдержки и самообладания. Он лишь зажмурился, когда я чмокнула его. Хотя со стороны могло показаться, что таким образом он выразил восторг от поцелуя дражайшей невесты.

– Ну-ну, голубки, – вступил в игру Фрей, вспомнив о своей роли заботливого братца. – Все обнимашки только после свадьбы! Ми... Милка, помни о чести семьи!

Милка? Что еще за Милка? Это он меня Милкой обозвал? Нет, вообще-то Фрей прав. Не стоит друг друга называть настоящими именами. Не думаю, что по дорогам Прерисии разгуливает много Тамик. Кто знает, что этот самый Дани делал и продолжает делать с Морганом. Вдруг пытается, желая вызнать местонахождение загадочного талисмана? И тогда он рассказал черному дракону о всех своих приключениях, а следовательно, и о нас. Но почему Милка-то? Не имя, а кличка какая-то для коровы!

– Конечно, конечно, Фергюся, – пролепетала я, сделав ударение на последнем слоге и вспомнив, что именно так звали особенно противного друга моего отца – толстого настолько, что я всегда удивлялась, как его еще ноги носят.

Точнее, полностью его звали Фергюссон. Но матушка за глаза его кликала именно так, постоянно придумывая все новые и новые смешные присказки с его именем. «Фергюся украл гуся, Фергюся съел поросю, Фергюся рассмешил карася». Ну и так далее.

Фрей недовольно поджал губы, явно обидевшись на меня за такое имечко. И пусть! Первым начал обзывать.

Затем мой взгляд упал на Седрика, который все так же стоял рядом и держал руки на моей талии, словно послушный воспитанник, еще не получивший позволения от учителя танца сменить позицию.

– Ну же, мой любимый Роменцио! – воскликнула я. – Веди меня скорее в сию гостеприимную обитель, пока я окончательно не замерзла.

Брови Седрика сами собой поползли вверх. По всей видимости, такой подлянки он от меня не ожидал. Понятия не имею, почему я назвала его Роменцио. Кажется, когда-то я читала какой-то любовный роман, где главного героя звали именно так. И пусть еще скажет спасибо, что я не обозвала его как-нибудь обидно.

– Да-да, заходите, заходите! – засуетилась служанка, которая наблюдала за этой сценой, самым неприличным образом раскрыв рот. – О лошадях не беспокойтесь. Альр о них позаботится.

Альр? Я нахмурилась было, но почти сразу расслабилась, заметив белобрысого парнишку лет двенадцати в столь огромной куртке, что рукава почти волочились по земле. Наверное, досталась ему в наследство от отца или старшего брата.

Парниша вальяжно кивнул, подтверждая то, что понял свою задачу, и вышел из-за изгороди, где простоял все это время, почти незаметный из-за росшего прямо у калитки куста сирени. Затем его взгляд упал на меня, и мальчик так и замер с поднятой ногой.

– Ну и страхолюдина! – восхищенно пробормотал он, сперва поплевав за плечи.

– Альр! – прикрикнула на него служанка, и ее уши прелестно заалели. – Думай, что говоришь!

– Дык это... – забормотал, извиняясь, парень, но мы его уже не слушали.

Седрик решительно приобнял меня за талию и потащил в трактир, почти беззвучно обронив:

– Сейчас кое-кому придется сильно потрудиться, объясняя мне, почему это я Роменцио.

* * *

Служанка весьма удивилась, когда услышала, что нам для проживания требуется всего два, а не три номера. Правда, ее удивление резко пошло на убыль, когда выяснилось, что жить в одной комнате будет новоявленный Роменцио с Фергюсей. Правда, Седрик тут же поторопился объяснить это обстоятельство, и тем самым вызвал новую волну изумления со стороны Алисии, а именно так звали девуцу.

– Понимаете, моя невеста из семьи, известной своими строгими нравами, – проговорил Седрик, опасаясь лишней раз даже взглянуть в мою сторону. – Поэтому Фре... Фергюсь, ее брат, должен проследить за соблюдением приличий до тех пор, пока нас не свяжет свадебный ритуал.

– Бедный! – невольно вырвалось у Алисии. По всей видимости, она очень сочувствовала Седрику из-за того, что ему необходимо жениться на таком чудовище, как я. Я внушительно кашлянула, и служанка поспешно исправилась, сообразив, что ляпнула бестактность: – Ну, то есть, наверное, вам очень нелегко приходится из-за всех этих ограничений.

– Вы даже не представляете, насколько мне тяжело, – почти не разжимая губ, обронил Седрик, в конце фразы сорвавшись на очень правдивый мученический стон.

Алисия в очередной раз покосилась на меня, хотела было задать еще один вопрос, но в последний момент мудро передумала, когда я ответила ей очень злобным взглядом. Наверное, сообразила, что рискует обновить свой синяк под глазом.

– Идемте, я покажу вам комнаты, – проговорила она. – Оплату внесете, когда проснется хозяин постоянного двора, сьер Витенций Виолт. Он любит вздремнуть после обеда пару часов. – Подумала немного и добавила, видимо, желая объяснить, почему у нее столько прав в этом заведении: – Это мой дядя.

Как оказалось, Алисия была чрезвычайно разговорчивой девицей. За то время, пока мы поднимались на второй этаж, она успела пересказать нам всю историю своей жизни. Единственная дочь младшей сестры сьера Витенция Виолта, который получил этот трактир в наследство от своего отца. Сестра была на подхвате и, как это частенько бывает, неожиданно забеременела от какого-то проходимца, умудрившегося всего за один вечер охмурить бедную простодушную девушку, падкую на красивые слова, наобещать ей небо в алмазах, а получив желаемое – немедленно скрыться, опасаясь мести разгневанных родных. Естественно, Витта, а именно так звали мать Алисии, долго не признавалась брату в том, что произошло, наивно надеясь, что проблема сама как-нибудь рассосется. Однако в делах подобного толка рано или поздно наступает такой момент, когда тайна слишком явственно начинает лезть на нос. Хоть сьер Витенций и был мужчиной, которые, как известно, до последнего не замечают очевидного, но у него имелась жена. Именно сьерра Хельга приперла золовку к стене и заставила ее сознаться. Витта рыдала и размазывала слезы по лицу, но что сделано, то сделано. Момент, когда проблему можно было бы решить при помощи деревенской знахарки особыми травами, был давным-давно упущен. Да и сама Витта даже слышать не желала о подобном. Ей было всего шестнадцать, но она твердо решила стать матерью. Увы, у богов на ее счет были другие планы. И на третьи сутки после родов несчастная отправилась к престолу Альтиса, не справившись с молочной лихорадкой.

Таким образом, с пеленок Алисию воспитывали дядя и его жена. К слову, они восприняли это не как тяжкую обязанность, а в некотором смысле слова как милость небес, поскольку сами не имели детей. Но, памятуя о судьбе сестры, сьер Витенций озаботился как можно

раньше выдать племянницу замуж, не желая повторения давней трагедии. Провел среди своих знакомых и друзей настоящий конкурс и в итоге остановил выбор на Кирке, а точнее, на Кирке из Старой Долины. Тот хоть и не принадлежал ко второму сословию, зато был правой рукой Витенция. Именно ему тот собирался со временем передать трактир, давным-давно утратив надежду на рождение собственного сына.

К слову, Кирк с огромной радостью принял это предложение. Сообща друзья наскребли денег на немаленькую королевскую подать, позволяющую новоиспеченному мужу взять фамилию жены, хотя обычно все происходило наоборот: именно супруга должна была опуститься или подняться до сословия своей второй половины. И Кирк из Старой Долины стал сьером Кирком Виолтом. Ну а мнения Алисии на этот союз спросить забыли, что опять-таки отнюдь не редкость в нашей стране.

– Кирк – очень хороший человек, – горячо убеждала она нас, то и дело трогая подбитый глаз. – Вспыльчивый, правда, но хороший. Он даже простил мне...

На этом моменте девушка запнулась, видимо, осознав, что не стоит настолько личные тайны доверять совершенно незнакомым людям.

К слову, мы как-то незаметно оказались в одной из комнат, снятых для проживания. Уж очень интересно Алисия рассказывала о своей жизни, а Седрик очень грамотно поддерживал ее, угукая в нужные моменты и изредка восклицая:

– Да что вы говорите?!

От столь неподдельного интереса, проявленного к ее скромной персоне, Алисия забыла обо всем на свете и зашла вместе с нами в комнату, не в силах прервать разговора.

– Хороший? – скептически переспросил Фрей и многозначительно посмотрел на фингал, украшающий глаз Алисии.

– Да, хороший! – с вызовом повторила она и в очередной раз незаметно потерла синяк, после чего решительно скрестила на груди руки и выставила одну ногу вперед, словно намереваясь вступить с кем-то в бой.

– Да что вы говорите?! – насмешливо повторил Седрик, и на этот раз его реплика прозвучала как нельзя более кстати. – В таком случае надеюсь, что ваш безусловно очень хороший и очень достойный супруг жестоко покарал того, кто посмел поднять руку на столь славную и милую девушку!

– А? – растерянно переспросила Алисия, видимо, не сразу поняв смысла столь долгой и витиеватой фразы. Но почти сразу продолжила, смущенно улыбувшись: – Не понимаю, право слово, почему вас так заинтересовал мой синяк. Но уверяю вас, он был получен исключительно по моей вине и недосмотру.

– Да ладно вам, голубушка, – не удержавшись, вступила я в разговор. – Тут нечего стесняться. Недаром говорят: бьет, значит, любит!

– Пусть твой будущий муженек только посмеет на тебя руку поднять! – мгновенно отозвался Фрей. – Все конечности ему переломая!

И скорчил настолько зверскую физиономию, что мне стало не по себе, хотя я прекрасно знала, что приятель лишь играет отведенную ему роль.

В этот момент Алисия неожиданно разревелась. Это произошло так внезапно! Вот только что она стояла перед нами и грозно хмурилась, словно собиралась дать отповедь и посоветовать не лезть в чужие семейные дела. А в следующее мгновение ее губы вдруг дрогнули, некрасиво искривились – и из глаз служанки нескончаемым потоком полились слезы.

Я с мрачным удовлетворением заметила, что красиво плакать Алисия тоже не умела. Ее лицо покрылось пятнами волнения, а нос моментально опух и увеличился в размерах чуть ли не вдвое. Нет, искренне не понимаю, где же авторы всех любовных романов, которые я некогда прочитала, нашли женщин, умеющих рыдать так, как они описывали. Где они видели крупные прозрачные слезы, медленно стекающие из огромных наивных глаз, чувственно надуп-

тые пухлые губки, так и зовущие прильнуть к ним в утешающем поцелуе? Впрочем, ладно. Пусть это остается на совести этих самых авторов. Сейчас у меня есть проблемы поважнее, чем размышлять на столь отвлеченные темы.

Седрик укоризненно посмотрел на Фрея, должно быть, посчитав его причиной рыданий Алисии. Приятель в ответ всплеснул руками и сам жалобно сморщился, будто собирался расплакаться за компанию.

– А что я такого сказал? – оправдывающимся тоном забормотал он. – Разве я вас обидел, сьерра?

– Как хорошо, когда есть тот, кто может постоять за тебя! – в перерывах между всхлипываниями выдавила из себя Алисия, пытаясь утереть слезы, но в итоге расплакалась еще горше.

Седрик кашлянул, украдкой пригрозил мне с Фреем кулаком, показывая таким образом, чтобы сейчас не лезли и не мешали ему. После чего скользнул к девушке, приобнял ее за плечи уверенным жестом опытного соблазнителя и вкрадчиво принялся нашептывать ей что-то на ухо.

Алисия сначала попыталась отпрянуть, но грубо оттолкнуть нового постояльца ей не позволила совесть, тогда как Седрик продолжал ее достаточно крепко удерживать на месте. Затем нахмурилась, открыла было рот, по всей видимости, намереваясь приказать ее отпустить, да так и замерла, заслушавшись.

Понятия не имею, что именно некромант ей говорил. Однако плакать она перестала почти сразу, а спустя неполную минуту принялась робко улыбаться.

Я хмуро взирала на эту картину. Отлично, а мне-то как на все это реагировать? Седрик вроде как мой жених, а обнимается при мне со всякими... служанками постоянного двора. Наверное, я должна оскорбиться и потребовать прекратить это безобразие. Но боюсь, что тогда Алисия вновь может расплакаться.

Поэтому я просто шумно вздохнула, надеясь, что таким образом напому о своем присутствии и заставлю Седрика и Алисию устыдиться.

Седрик стрельнул глазами в моем направлении и опять украдкой погрозил свободной рукой, другой продолжая утешающе поглаживать служанку по плечу.

Я переглянулась с Фреем. Тот флегматично хмыкнул и бухнулся в ближайшее кресло, с наслаждением вытянув ноги. Откуда-то сверху донесся сдавленный смешок, видимо, Ульрика искренне наслаждалась всем происходящим.

– Какой вы милый, – наконец пробормотала раскрасневшаяся от непонятного смущения Алисия. Выудила из глубин передника носовой платок и осторожно промокнула глаза.

Милый? Я скептически кашлянула. Спорно, очень спорно. Никогда в жизни бы не назвала Седрика милым.

– Так что у вас с глазом? – грубо брякнула я, желая как можно быстрее вернуться к первоначальной теме разговора.

Седрик со свистом втянул в себя воздух и подарил мне такой взгляд, что если бы им можно было убить – я бы тут же упала замертво. Даже Фрей перестал стаскивать сапоги и уставился на меня во все глаза.

– Простите мою невесту, – тем временем рассыпался в извинениях Седрик. – При всех ее замечательных достоинствах Мик... Милка обладает одним очень неприятным недостатком. Увы, она безмерно любопытна.

– Как и все женщины, наверное, – кокетливо отозвалась Алисия и захлопала ресницами, улыбаясь Седрику.

Я опустила голову, пряча в тени неприятную усмешку. Если Алисия так себя ведет со всеми постояльцами, то удивительно, что Кирк подбил ей только один глаз. Или до происшествия с Дани Алисию ни разу не ловили на горячем? По-моему, она та еще любительница наставить рога мужу.

– А что насчет глаза, – продолжила тем временем Алисия, – как я уже говорила, это моя вина. Я... я позволила себе немного лишнего с одним из постояльцев. Он был такой милый, так смешно шутил. И я... Сама не знаю, что со мной случилось. – Я с сарказмом вскинула бровь, и Алисия, заметив это, затараторила, сиюсь оправдаться: – Нет, не подумайте, что я вышла за рамки приличий. Это был обычный флирт, ничего более. Но Кирку, естественно, оказалась неприятна вся эта ситуация. Он попросил меня прекратить раз, другой. Однако я была обижена на него за какую-то мелочь, тем более его ревность почему-то смешила меня. Вот и получила по заслугам. Как я уже говорила, Кирк – хороший. Любой другой муж на его месте избил бы меня до полусмерти, дабы неповадно впредь было хвостом перед чужими мужиками крутить.

Последнюю фразу Алисия произнесла более низким голосом, явно подражая кому-то. Благо выбор небольшой: или муж, или дядя. Вряд ли хозяин постоянного двора был в восторге от поведения своей племянницы, которую он воспитал как родную дочь.

«Скорее всего, так брякнула жена сьера Витенция, – не согласился со мной внутренний голос. – Как ее, Хельга, что ли. Поди, столь своеобразно пыталась утешить Алисию после полученного тумака».

Я украдкой поморщилась. Да не суть важно, в общем-то. Это к теме нашего расследования никак не относится. Теперь бы еще вывести каким-либо образом Алисию на рассказ о соблазнившем ее постояльце.

Седрик громко кашлянул и выжидающе уставился на меня. Я аж передернула плечами от столь пристального внимания. И что это значит? Неужели мне надлежит продолжить беседу, аккуратно выведав у Алисии то, что нам надо узнать?

«Ну естественно! – воскликнул внутренний голос, пораженный моей недогадливостью. – С кем девушка может поделиться сердечной тайной? Только с другой девушкой».

Я недовольно качнула головой. Да, только стараниями Ульрики я сейчас выгляжу так, что меня очень тяжело отнести к представительницам прекрасного пола. И мало похожа на веселую хохотушку, с которой так и тянет обсудить свои победы и достижения в любви.

Но Седрик продолжал буравить меня грозным немигающим взглядом. Что мне оставалось делать?

– А этот постоялец, – начала я срывающимся от волнения голосом. Кашлянула и продолжила более уверенно, попытавшись придать своему тону необходимую развязность: – Он, наверное, настоящий красавец был, да?

– О да! – восторженно выдохнула Алисия. – Высокий, широкоплечий, а волосы – словно лен, белые-белые. А глаза! Как осеннее небо: такое синее, что хочется смотреть в них вечность.

Я с трудом удержалась от саркастического замечания. По всему видно, что Алисия влюбилась в этого Дани, как мартовская кошка. И тумак, полученный от мужа, отнюдь не поставил ей мозги на место.

– Синеглазый блондин, – протянула я, постаравшись, чтобы мой голос прозвучал как можно более мечтательно. Затем усмехнулась и покачала головой, послав Седрику романтический воздушный поцелуй. – Нет, это не мой типаж. Мне нравятся молчаливые брютеты.

И перед моим мысленным взором тут же нарисовался Морган. А что? Он тоже молчаливый брютет, так что в этом я не погрешила.

«Да и Арчер под это же описание подходит», – не удержался от язвительного дополнения внутренний голос.

Алисия хихикнула в ответ. В свою очередь, смерила Седрика откровенно оценивающим взглядом, и некромант смущенно переступил с ноги на ногу. Не ожидал, наверное, что станет предметом женского интереса и обсуждения.

– Да, я вас понимаю, – простодушно призналась Алисия после недолгой паузы, за время которой бесцеремонно изучила внешность Седрика с ног до головы и обратно. – Рядом со столь симпатичным женихом я бы тоже и помыслить о другом не смела.

И опять я величайшим усилием воли удержалась от насмешливого замечания. Другими словами, Алисия прямо призналась в том, что не считает своего мужа привлекательным.

Впрочем, вряд ли в этом ее можно упрекнуть. Она же сама рассказала, что ее мнения насчет замужества со старым другом семьи никто спрашивать не стал. Повезло еще, если не полный урод достался, любящий почесать кулаки о бока жены.

– И неужели этот красавец-мужчина, синеглазый и широкоплечий, просто стоял и наблюдал, как муж вас учит уму-разуму? – спросила я, постаравшись, чтобы мой голос зазвенел от якобы сдерживаемой с трудом ярости.

– Нет, что вы! – Алисия расстроено всплеснула руками и нервно скомкала передник. – Ох, я, должно быть, слишком надоела вам со своей историей...

– Ни капли не надоели! – с жаром заверил ее Фрей.

– И все-таки я не уверена, что подобная откровенность с моей стороны будет уместна, – продолжала сомневаться Алисия.

Краем глаза я заметила, как Седрик прикрыл ладонью рот, словно пряча зевоту, при этом его губы что-то прошептали. Кончики его пальцев слегка засеребрились, но почти сразу все пропало, словно привиделось мне. Однако глаза девушки приобрели сонное выражение. Она несколько раз с усилием моргнула, затем произнесла:

– А, Впрочем, не все ли равно? Вы и без того узнаете о произошедшем. Не от меня, так от кого-нибудь из постояльцев или слуг. Люди любят почесать языками, а это случилось совсем недавно.

Я вопросительно посмотрела на Седрика. Кстати, действительно, а сколько дней-то миновало с момента злополучной драки? С учетом того, что донесение дошло до столицы, сюда послали Роя, который успел вернуться и написал подробнейший доклад... Ох, прилично получается! Но тогда почему синяк под глазом у Алисии еще не прошел?

Седрик без труда понял, что именно меня интересует. Он завел одну руку за спину, скрыв ее от глаз Алисии, и украдкой показал мне четыре пальца. Угу, стало быть, прошло четыре дня. Надо же, никогда бы не подумала, что донесения в столицу о необычных событиях так быстро рассматриваются. Напротив, в народе испокон веков ходила поговорка: «Быстрее дождаться королевского мага». Так говорили, когда исполнение какого-либо дела откладывалось на неопределенный срок.

Ладно, речь сейчас не о том. И я мотнула головой, отогнав посторонние мысли. Потом поинтересуюсь у Седрика, как так вышло. Сдается, кое-какие детали получения этого доклада он все же утаил от меня.

– А кажется, будто пролетела целая вечность, – между тем проговорила Алисия и неожиданно горько всхлипнула. – Вечность без Дани. Как же я по нему скучаю!

Ого, как интересно рассказ-то повернулся! Я опасливо покосилась на Седрика, который довольно усмехался. Оказывается, господин королевский дознаватель – очень опасный человек. Хотела бы я знать, какую магию он применил к Алисии, раз та с такой готовностью принялась выкладывать все свои грязные секреты. После чего покачала головой и вся подалась вперед, боясь пропустить хотя бы слово из откровений Алисии.

– Вы, наверное, подумаете, что я падшая женщина, презренное, низкое существо, рабыня самых порочных страстей, – воодушевленно принялась поливать себя грязью Алисия. – Мол, замужней особе не пристало мечтать о другом. Да, все верно! Я сама себя ненавижу за все это! Кирк – замечательный, очень добрый, но я его не люблю. Никогда не любила и вряд ли когда-нибудь сумею полюбить. Теперь-то уж точно. А Дани... В его глазах я действительно увидела небо. Не сомневаюсь, что он бы мог научить меня летать. Когда он прикасался ко мне... О, я

словно отрывалась от земли в этот момент. Но что самое обидное: между нами ничего не было. Наверное, я не прошу себе этого до конца жизни. Для Кирка я все равно навечно превратилась в изменницу, а так бы хоть страдала за дело.

– Ничего не было? – ошарашенно повторила я. – Как это?

– Да, я была на шаг от измены мужу. – Алисия грустно улыбнулась. – Но не успела этого сделать. А точнее, нам помешали. Кирк ворвался в комнату, когда мы с Дани целовались. Конечно, муж сразу понял, что должно было последовать за этим. Расстеленная кровать, зажженные свечи и бокалы с вином не оставляли простора для утешительных фантазий. Потом они сцепились в драке. Это было даже смешно. Кирк ниже Дани на целую голову, старше лет на двадцать. Но он так отчаянно принялся размахивать кулаками, что я... – Алисия запнулась, явно не желая продолжать. Пальцы Седрика вновь засеребрились, после чего девушка с усилием проговорила: – Я почувствовала себя польщенной. Мой рассудительный, спокойный муж отважно кинулся на защиту моей чести, хотя прекрасно понимал, что, скорее всего, это ему навалют по первое число! Демоны, я прежде и не предполагала, что это настолько приятно: когда из-за тебя дерутся! Но потом что-то случилось. Наверное, кто-то из них опрокинул канделябр со свечами, и вспыхнул огонь. Благо что на шум прибежал дядя, еще кто-то из постояльцев, и пожар удалось предотвратить. Дани воспользовался суматохой и сбежал, не желая участвовать в продолжении разборок. А Кирк сильно обжег руки. Самое смешное в том, что он уверяет, будто это Дани на него плюнул. Чушь полная! Разве это возможно?

Седрик многозначительно на меня посмотрел. Я ответила ему таким же понимающим взглядом. Фрей тоже изобразил на лице торжествующую гримасу.

– В общем-то, на этом все. – Алисия печально вздохнула. – Я осталась с разбитым сердцем и подбитым глазом. Но я знаю, что Дани должен вернуться. И Кирк это знает. Мне очень страшно, что тогда произойдет между ними. Кирк обещал убить Дани, если тот когда-нибудь вновь покажется ему на глаза. И теперь я знаю, что мой муж на это способен. Но одновременно я мечтаю, чтобы этот момент наступил как можно раньше, потому что тогда опять увижу Дани. Глупо, правда?

И Алисия смущенно опустила голову, не смея ни на кого взглянуть после своей исповеди.

– Почему вы считаете, что Дани вернется? – не выдержав, спросила я.

– Потому что он бежал так поспешно, что оставил свою дорожную сумку в комнате, – спокойно ответила она. – А еще я получила от него вчера письмо. Понятия не имею, как Дани сумел подбросить его, но на своем туалетном столике я обнаружила записку, в которой говорилось, что сегодня вечером он придет за своими вещами. Мол, если мне дорого здоровье мужа, то надлежит придумать способ, как отослать его на сегодняшний вечер подальше от трактира.

– И что же за способ вы придумали? – полюбопытствовал Седрик.

Алисия медленно растянула губы в улыбке. И я поняла, каким будет ее ответ, еще до того, как его услышала.

– Никакого, – честно призналась она. – Пусть Дани хорошенько навалют Кирку. А потом я сбегу с ним. И плевать на дядю и прочих! Я опять хочу почувствовать, будто поднимаюсь в мужских объятиях к небу.

* * *

Перед уходом Алисии Седрик вновь ее приобнял. Я хотела было шутливо возмутиться, сказав, что это выходит за всяческие рамки приличий: при невесте миловаться со служанкой. Но прикусила язык, когда заметила легчайшее голубоватое облачко, окутавшее девушку. Спустя мгновение оно исчезло, словно впиталось в ее кожу. И Алисия, извинившись, выскользнула из комнаты, отправившись по своим делам и пообещав нам сообщить, когда ужин будет готов.

– Теперь она ничего не вспомнит о своих откровениях, – пояснил он, едва только за Алисией закрылась дверь. – А то задаст себе еще вопрос, с чего вдруг выложила все свои тайны практически первым встречным.

– Глупышка! – презрительно фыркнула Ульрика, мгновенно скинув чары невидимости. Фея оседлала приоткрытую дверцу платяного шкафа и болтала в воздухе ногами. По всей видимости, она не пропустила ни слова из рассказа служанки.

– Почему это она глупышка? – спросила я и, в свою очередь, уселась прямо на кровать, поскольку кресло Фрей уже занял, а больше приткнуться в небольшой комнатенке было негде.

– Потому что готова совершить величайшую глупость в своей жизни, – снисходительно объяснила мне Ульрика. – Думаешь, она нужна Дани? Да бедный дракон, поди, уже не рад, что связался со смазливой девицей на постоялом дворе. Хотел просто поразвлечься, а в итоге привлек к себе столько внимания! И что ему делать с ней потом, если она в самом деле увяжется за ним? Жениться на ней он не собирается, да и не может, поскольку она уже замужем. Держать при себе в качестве любовницы? Слишком обременительно. Ну развлечется он с ней неделю-другую, а потом отправит восвояси. И куда глупышке идти? Только обратно к мужу. Правда, вопрос, примет ли он ее после такого безобразия.

– Неправильный вопрос. – Седрик покачал головой. – Боюсь, Кирк имеет все шансы погибнуть во время второй стычки с Дани. В первый раз он застал дракона врасплох, к тому же рядом были ненужные свидетели, вот он и побоялся использовать свои способности. Но сейчас Дани намерен забрать вещи, следовательно, готов сорваться с места. Если Кирк посмеет встать на его пути, то дракон просто свернет ему шею. Вспомните, что случилось со сьером Густаво.

– Ну что же, тогда Алисия станет вдовой. – Ульрика ощерилась в неприятной усмешке. – Правда, вряд ли обеспеченной. Не сомневаюсь, что ее дядя все финансы держит под своим контролем. И вряд ли он даст опозорившей его племяннице достойное содержание. Напротив, разъярится сверх меры, если из-за шашней дурной девчонки лишится верного помощника и старого друга.

– А мне ее жалко, – неожиданно сказал Фрей. В этот момент куртка на его груди как-то странно зашевелилась, и сонная Мышка высунула голову между пуговицами. Фрей привычно потрепал ее по мягким ушам, после чего продолжил: – Сами посудите: что она хорошего в жизни видела? Мать умерла при родах. Жена дяди, как ее там, Хельга, что ли, вряд ли особо ее баловала. Неродная кровь есть неродная кровь все-таки. С детства по хозяйству помогать приставили. Мужа сами нашли. И тут первая любовь! Согласитесь, ухаживать этот самый Дани умеет. Вино, свечи... Естественно, что она совсем голову от страсти потеряла.

– А ты как считаешь? – неожиданно спросил у меня Седрик.

– В чем-то я понимаю Алисию, – честно призналась я. – Я и сама совершала всякие идиотские поступки из-за любви... Ну, точнее, тогда мне казалось, что я на самом деле люблю Арчера. Потому что сейчас понимаю: было настоящей глупостью и отчаянным безрассудством отправиться спасать жениха в драконий замок.

– Боги улыбаются смелым, – пробурчал Фрей, видимо, пытаясь таким образом слегка смягчить мои слова о собственном поведении.

– Но мне не понравилось то, как спокойно Алисия собралась наблюдать за неминуемой дракой Кирка и Дани, – продолжила я, не обратив особого внимания на его фразу, поскольку менее всего нуждалась в чем-то утешении. Что было – то было, как говорится. Я не жалела о своем поступке, поскольку благодаря ему познакомилась с Фреем и с Морганом. Первый стал мне самым верным другом, а второй... Ох, опять я отвлекаюсь от темы! И я заставила себя сосредоточиться на том, что собиралась сказать о поведении Алисии, проговорив: – Более того, сдастся, она даже жаждет этого разбирательства. Помните, как она сказала, что это очень приятно: когда из-за тебя дерутся?

– Но это действительно очень приятно! – Ульрика фыркнула от сдерживаемого с трудом смеха и еще сильнее принялась болтать в воздухе ногами, от чего едва не сверзилась с высоты, удержавшись лишь в последнее мгновение.

Я неопределенно хмыкнула, не имея ни малейшего желания спорить с феей. Это приятно? Спорно, как сказал бы Седрик. Окажись я в подобной ситуации, то прежде всего переживала бы, не пострадает ли мой возлюбленный. Тем более драки зачастую имеют непредсказуемый итог. Один неосторожный удар или неудачное падение – и Альтис получит нового подданного в своем царстве теней. А тебе, в свою очередь, останутся лишь слезы и сожаления об утраченном счастье.

– Да, мне это тоже не понравилось, – согласился со мной Седрик. – Такое чувство, будто Алисия хочет отомстить мужу за синяк. И намеревается сделать это чужими руками. Правда, вряд ли она подозревает, что Дани в этот раз не будет церемониться. Однако факт остается фактом: жизнь Кирка в опасности.

– И что мы будем делать? – полюбопытствовала Ульрика. – Предупредим новоявленного сьера о том, что его женушка вновь принялась за старое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.